



Елена Александровна Асеева

В поисках
меча Бога
Мндры

Книга вторая.
Сеча за Бел Свет

Елена Асеева

**В поисках меча Бога Индры.
Книга вторая. Сеча за Бел Свет**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

В поисках меча Бога Индры. Книга вторая. Сеча за Бел Свет /
Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

В продолжении книги «В поисках меча Бога Индры. Книга вторая» вам удастся встретиться с милыми, озорными и удивительными созданиями, населяющими Бел Свет, по каковому в поисках волшебного меча Бога Индры путешествуют простой бероский мальчик Борилка и воины из дружины града Гарки. В этом наполненном верованиями, традициями, мифами, легендами древних славян и самобытностью русской речи произведении вы окунетесь в атмосферу волшебства, доблести и любви к своей Родине.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. И сызнава у путь	7
Глава вторая. Божественна помочь	10
Глава третья. Встреча с полканами	16
Глава четвёртая. Темник войска полканов Рам	22
Глава пятая. Урвара града Таранца	30
Глава шестая. Индра – лунный, иной Ра	37
Глава седьмая. Сварожичи и Дьевичи	43
Глава восьмая. Назадь за Гушей, уперёдь к Таранцу	50
Глава девятая. Таранец	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**В поисках меча Бога Индры
Книга вторая. Сеча за Бел Свет
Елена Александровна Асеева**

*Насладитесь кунавостью, величием и живописностью русского
языка.*

© Елена Александровна Асеева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Имя... всего тока несколько звуков, каковые сказывают о тебе як о личности, каковы определяют твой человеческий лик. Ты у то, верно, попомнишь, шо таки просты звуки кои дарованы родителями, аки наше имечко, назначают судьбину, направляют по той али иной дорожке... по тому али иному пути, тропе, стёжке, оврингу.

Або усё дельце не в имени?

Не в у тех простых звуках...

А у том як спряла для тебе волоконце судьбы высоко во Небесных Чертогах Богиня Судьбы Макошь. Спряла, а помочницы ейны Доля с Недолей неглядючи завязали на них узелки. Водна, добренькие, на счастье да вудачу, а другая, злобненькие, на горесть и напасти.

Або ня будем у том винить Богиню Макошь да ейных помочниц, не будем на них серчать гутаря, чё усё они так предначертали.

Можеть свову жизнь, свову дороженьку ты ужо и сам себе избрал. Не пожелал ты иттить по Солнечной стёженьке, незатейной такой, заурядным камушком голышом вустланной. Пожёлал ходють по серебрястому Лунному оврингу, присыпанном сверху золотом и самоцветными камушками. А можеть поддалси уговорам злобных дасуней и ступил на Чорну тропу Черно-Боже.

Чавось там мерекать, верно, будять так бачить, шо усё неспроста в эвонтой жизни.

И имя, оное родителями дадено, и волоконце судьбы, сплятёное Макошью и безсумления тобой выношенный, обмозгованный выбор торенки.

Глава первая. И сызнава у путь

Чрез три денька опосля того, як возвярнулися от Богов Подземного Мира Борюша и евойны соотчичи, хворенький Гуша совершенно поправилси, у Сома на щеке образовалася плотна корочка, да и рука Быляты покрылась таковой же, а водяны булдыри на ней точно втянулись обратно такося и не лопнув. Ну, и потомуй как усе собя чувствовали терпимо, а Гуша нанова приступил к своему излюбленному занятию, так-таки поеданию усега порхающего и ползущего, порешили отправлятьси у путь.

Ранёхонько поутру отрок выпустил из Боли-Бошкиного киндячка Ёжа, каковой на крохотульку замер на месте, да покрутив своей мордочкой управо и улево, опосля поверталси маленечко на сиверь, да тихонько запыхтев, побёг у том направлении. И странники, без задержу, тронулися вслед за той мудрой животинкой. Токмо тяперича опереди сех шёл Борилка поелику оказалось, шо евойна рука, та сама, длань коей Озем покрыл тонешенькими смарагдовыми паутинками, вельми шибко притягивала ко себе усё жёлезное. Так чё меч вставленный у ножны, шагающего попередь мальчика, Быляты усяко мгновение выгибалси и мешал тому иттить. Энту чудну невидаль заметили ищё будучи на постое, кадысь Борюша притянул ко себе нож, оный нарезаючи мясо, вудерживал у руках Крас. Нож ентов сице резво выскочил из рук парня и крепенько прилип к поднятой уверх ладошки мальчонки, чем ужось до зела сех поразил. Засим того дивного прилипания, воины опробовали руку отрока на стрелах и мечах. И усяк раз, стоило тому протянуть рученьку ко железу, як воно васнь живенькое тулилося к длани мальчика.

– Эвонто како-то волшебство, – столковалися воины и обмотали ладонь мальчугана равным куском киндяка.

У тем самым киндяком, который был для тёплу подстелен под Борила, и иже, як выяснялось, Орёл выпросил, в отсутствие мальчугана, у киндяка Боли-Бошки для Гуши. Обаче судя по у тем дырам кои были на дарованной одеже, дух, охраняющий ягодны места у лесу, как и прежде посчитал, шо нужды у нём не имаитси. А посему на эвонтой вещи дуже мало оставалось добрых мест, заплат также не имелось, оно как их, ентих значить заплат, было не к чему пришить. Поелику его, у тот дарёный киндяк, порвали на коротки тряпицы и обмотали длань отроку, и раненну руку Быляты.

Почитай четири дня Ёж вёл странников на сиверь, а после взял немного левее, вроде как стараяся выровнить ход и вдругорядь направить его на восток. Чрез день стёжки путники узрели слева от себе удали горы. Вглядевшись у них Борила пояснил чё то каменные кряжи, покрытые в основном мхами, травами да невысокими деревцами. У то, по-видимому, были горы Подземных Богов, потому Ёж и вел их на сивер, стараяся обойти владения Озема и Сумерлы.

К вечёру того ж дня горы остались позади, и лишь выпирали из оземи своими кособокими, словно кривенько срубленными взлобками. А Ёж продолжил движение на восток, на восход Ра. И у том указание топали ащё три денька, пару разочков встречая у тех землях стада большеньких схожих с турами животинок и мамунов. Каковые, одначе, близко ко людям не приближались и вуходили задолзе до того, як Крас аль Орёл успевали вынуть стрелу из туло.

Обаче, у тех краях земляца-матушка принялася менять цвета, да и покров. И коли раньче на ней окромя мхов, да стлаников ничавось не росло, а вуродливые берёзки и ивы выглядели мудрённо изогнутыми и болестными. То днесь, на почве, сначала по чуть-чуть, а дальче усё больше и больше стали появлятьси зелёны, густы травы, у которых хоронилися всяки разны цветы весьма лучистых цветов, да изумительного аромату. Особлива много у той, с тонкими, острыми перьевыми концами, травушке росло ярко-жёлтых цветочков, они высились над зелёной полстиной и приветливо кивали своими, с ноготок, головками, собранными будто у гроздьа. От тех неприметных покачиваний соцветий увись едва заметной златой дымкой

подымалси сладчайший дух мёда. Пряталися в травах, и не мнее, дивные, упервые встречающиеся цветы с тёмно-малиновыми, розовыми и плавыми соцветиями. Попадалися низенькие кустарники со коротенькими веточками, словно покрытые сверху воском, да с маханькими, мясистыми листочками. Деревов у той сторонушке ноли и не зрелось, хотя оземь тутася была приподнята и образывала низкие таки холмики. Нешироки реченьки кучно испещрили земли вокруг и вяло... лениво тянули свои холодны, прозрачны воды. Часточко здесь шли додолы, не таки мощные и рьяные с громом и молниями як у бероских просторах, а таки моросейки... сыплющие мельчайшу мжицу, бывающу при ненастье, вегда серо-бурые тучи плотно закрывали от людей небосвод и красно солнышко.

У эвонтом крае с кажным пройденным днём становилось теплей, и Бог Зимнего ветра Позвизд туто-ва паче не лётал. Он вроде як восталси позади, васнь заплутавши у тех скалистых горах, владыками оных были Боги Подземного мира. А у ентих землях чаще видал Борюша других сынков СтриБога. В основном Асура Югъного и Восточного ветров.

Югъный был до зела молод и красив, судя по сему, то был самый меньшей ветер из сынов СтриБога. Его почитай жёлты кудерьки доходили до плеч, и у них были вплетены тоненьки колосья ржи, пошенички, метёлочки овса, до соцветия девичника. На безбородом и безусом лики, прозрачно-желтоватого цвета, ярко-голубые очи гляделися бойко да по-озорному так чё чудилось тот ветерок-отрок, не намного старче Борилки, сотрит со небес. Полупрозрачные одеяния смаглого свечения, несли на себе жар солнца. И кадысь Югъный неслышно смеясь або сияючи вулыбкой, скользил над путниками, их обдавало лёгкими крохами песчинок и полуденным зном. Одежа ветра, словно долги полотнища, следовавшие за ним, смотрелися широкими сполохами, кои чуть зримо дрожали, мерцали, то лучисто, то бледно, а то неожиданно зачинали сверкать махунечкими рдяными искорками огоньков.

Восточный ветер, супротив свою меньшого шалуна братца, зрилси и постарче, и посурёзней. Евойны густы рыжи волосья и таки ж вусы да брада заслоняли своей длинной усё одеяние, так чё було непонятно ово ли энто бородища, ово ли одежа такая редрая. Смурно поглядывая на странников ветер усё ж жалел их, а посему прилетаючи усяк раз кадыличи их опаливал палящим зном Югъный, сдувал с них песчиночки да являл воздух паче свежий, чистый принося у нём малу влажность. Эвонтов самый сквозной ситник вон иноредь сбрасывал на путников, несильно встряхиваючи головой. И тадыличи малешенький бусенец сыпалси и с брады, и с долгих, вроде як заплетённых у девичьи косы вусов.

Чем дальше продвигались люди, тем более поразительной становилась живописность той местности. Зелень трав правивших тама не вуступала по цвету смарагдовому камню, кый выдывал у Подземном мире Борил, а ихняя густота и пышность вустилала землицу утак плотно чё поражала очи странников своей однородностью. По мере ходу уперёд к зелени трав прибавилися чудные низкорослые злаковые, помахвающие метёлочками, точь-у-точь как у овса, рыхлые, напоминающие подухи, с сочными, зелёными листочками... растеньица, названия которых никто не ведывал.

По брежине неглубокой реченьки, катящей свои воды навстречу путниками, инолды встречалися низки кустарнички в высоту едва достигающие локтя. Кора у кустиков снизу ствола была серой, а порой и почитай, шо черной. Яйцевидные, мелки да гладки листоньки усыпали гибкие ветоньки. Ентовы кустики оченно шибко смахивали на иву, да токмо дюже малюсенькую.

Вжесь сами берега речушки, да и само ейно доньшко, ровненько тако было уложено плоскими, у длань шириной, камушками лошёными и гладкими, точно у то водиченька так-таки трудилася прокладываяючи свою русло да жёлая бёжать по дивному таковому узбою. Край усё больше принимал вид гористой стороныцы. Хотя поколь у та возвышенность була невысокой, и гляделась ровными пяточками с поместившимися окресть них приземистыми курганами.

Опосля двух денёчков пути по ентоЙ землюшке, Борила нежданно узрел удали каки-то паче высоки взгорья. Эвонти хребты встали по окоёму вроде як стяной и напоминали чем-то загнуту дугу. Обаче у те горы высилися весьма далёко и их окромя мальчоночки покеда никто не мог усмотреть. Поелику воины решили, шо у там, у тех взлобках, и находится град Торонец, кый лёжал не у болотных землях, як калякалась в бероских байках, а ужось много дальче их, и кажись был окружён горами.

На энту ноченьку расположилися недалече от речушки, посторонь низкого кургана, у то был даже не курган, а такой пологий вал. В энтих местах живности было дюже много. Упавые олени усыпанные свёрху белым краплением пежин совершенно не пужалися людей и паслися будто домашние, токась изредка отрываяся от сочных трав и зекая глазьми на странников. Инде казавшиися бараны аль козы не больно отличалися от диких своих собратьев, живущих у бероских землях. Мелькали у зелёных травах: серы зайцы, красноваты лисы, волки, да схожие с волками звери, токмо более малорослые, чем их сродники. А ужось птицы водилось туто-ва видимо невидимо... куропатки, тетерева, утки, гуси и даже лебеди.

Эвонти волшебны птицы, точно также як и гуси, важно вытянувши шеи, пролетали разрозненными косяками как раз у направлении показавшихся возвышенностей. Гусей путники подстрелили, с энтим управилси Орёл, а лебедей, по понятным причинам, не тронули. Оно як у бероских преданьях гутарилось чё у ту распрекрасну птицу могут оборачиватьси лебедины девы. Духи обладающие вешей силой и подчиняющие себе саму матушку-природу, вызывающие бури, дожди, град, собирающие купно грозовы тучи, да любующиеся посылаемыми Перуном молниями. Ведь само имя лебедь – значить светлая, блестящая, таки и гляделися энтовы благолепные духи, тадысь, вегда скидывали с себе крылушки и пёрышки, да оборачивалися купавыми дивчинками. Да, ащё бачили беросы, шо лебедины девы то онсица аки дочурки Бога Поддонного мира, какового кликали Ящером и егойной жинки Белорыбицы.

Глава вторая. Божественна помочь

Кадыличи Бог Ра, токмо выводил своих золотых волов у небесну лазурь Борилка пробудилси, чавой-то его васнь толкнуло управо плечо. Мальчик повернул главу и увидел сторонь себе Гушу. Шишуга лёжал на боку и почивал, при том горестно стеная, выгибаючи нижню губу и бухаясь мощным лбом у плечо мальца. Борилка чичас же подскочил с расстеленного охабня, на кьем кочемарил, и вусевшись, склонилси над ликом Гуши, вперившись глазами у него, испужавшись того, шо может соратник нанова захворал.

– То чё Борюшенька? – услышал отрок взволнованный глас Сомы, долётевший до него из-за почитай прогоревшего костерка, затепленного вчерась повечёру.

– Да, во... – Первьёл взор мальчуган с такого ужось свичного и вроде как приятного для очей лица шишуги да взглянув на Сому, дозоревшего нынче, молвил, – чёй-то Гуша стонет, може занедужил вдругорядь?

Сом с таковой светлой кожей лица, добрыми, голубоватыми глазами и белокурыми волосьями, усами да брадой расплылси у улыбке. Ожог на его щёке совсем прошёл, осталось на коже, посторонь широкого носа чуть свёрнутого у бок, лишь бело пятнышко с ноготок не больче. Белокура борода справа гляделась маленько короче чем слева, оно як там её опалил злобный огонь Цмока, и тяперича вона сызнава отрастала, кое-где ищё топорщившись словно плотными короткими колючками.

– Эвонтов жук, шишуга значить, – качнув главой, отозвалси Сом. – Усё ноченьку лез к тебе... Жалси и жалси, верно, опосля Ворогухи вон тока и чуеть защищённость обок тебе. Ты, Боренька, возьми охабень да перьйди почивать к Красу або Орлу, у те точно на тебе сверху не залезуть.

– Ни-а, не хочу паче кочумать... Вжесь я вроде як и выспалси, – ответствовал воину малец, и, поднявшись с охабня на ноги, испрямилси да повёл плечьми, сгоняючи с них усякий сон.

Мальчуган не успел ищё как следует оправиться, як шишуга (точно поджидаючи кады Борила подымитьси) не раскрываючи очей, протянул руку, и, нащупав охабень, поспешно натянул его на себе, укывшись им, ноли по саму выпученну нижню губёнку.

– Эвонто жук каковой, – негромко отметил Сом, да чуть слышно загреготал.

Борилка оглянулси и узрев аки укуталси в евойный охабень шишуга, вцепившись у вечь руками, да прижавши ко себе, чё отрывать, по-видимому, було бесполезно, а может даже и опасно, для такой нужной у стёженьке одёжи, задорно, поддерживаючи воина, засмеялси. Токась смех мальчонки зазвучал не дюже громко, а так приглушённо, абы не пробудить усё ащё почивающих соотчичей, расположившихся окресть одного ужось затухающего костерка.

– А чаво, дядька Сом, можете мене сходить за теми кустиками на бережину речки? – кивнув на угли костра, по оным еле заметно приплясывали рдяные, горящие капли огня, спросил отрок и медленно обошёл шишугу, который скумекав, шо охабень не отберуть, расслабилси и спустив с губы одёжу униз, довольно засопел.

– Неть, не надоть, – прогутарил Сом и протянувши уперёд ногу, носком сапога ковырнул угли, и те тихонько зашипев, выпустили из себе кумачовы искорки увыспрь. – Невдолге и так усем подыматься... Оно тогды робятки сходят, нарубять, а ты б лучше подремал. Аль садись обок покалякаем о том... о сём.

Борила наново пошевелил плечьми, раздумываючи у чё тако деять, да меже тем обозреваючи удивительну землю лежащу вкруг него. Прямо пред ним, находилси пригорок, эвоно был таковой длинный бугор, чем-то схожий с крепостной стеной, шо окружали грады бероские. И мальчугану сиче пожелалось взбежать на него, впасть у густу, зелёну, мягку травоньку и насладиться восходом красна солнышка... Да взлететь тудыличи не в сапогах, у которых

нынче изо дня в день хаживали, из ночи у ночь почивали. А утак босиком, як ходил вон у своей деревеньке Купяны раскинувшейся на реченьке Суж, с раннего утречка до поздней ноченьки, с вясны по овсень.

И немедля мальчик присел на примяту травку подле Сома, торопливо скинул с ног сапоги, снял плотно обёрнутые суконки, да сложив у одно местечко, подвярнувши штанины до колена, также резво поднялси. Вон опёрси стопами о желды, ласковенько, правым большим пальчиком, огладил залашенный, тонешенький отросточек, выглянувший с под евойных зелёных собратьев и широко просиял, вошутив теплоту живого создания когды-то сварганенного самим Сварогом. Отрок сделал пару шажочков уперёд, на морг замерев на месте, почуяв тепло идущее и от Мать-Сыра-Земли Богини усега живого, и от самой ейной детоньки, травиночки. А засим торопливо возвернулси к тому месту иде почивал, отчавось беспокоино закряхтел Гуша, спужавшийся чё чичас отберуть охабень. Токмо Борила не тронул охабень, вон склонилси над своей котомкой, и, развязав шнурки, распахнул её поширше. Тихонечко приветствуя мальчугана, запыхтел из киндяка Ёж, застрекотал ванов червячок дар Кострубоньки.

Бережно приподняв Ёжа, малец левой рукой нащупал у самом низу котомки кугиклы, да скоренько достав их отнуду, крепенько сжал... Сжал васнь страшась их обронить, або потерять связь с родными просторами бероских земель, столь далёких и таких любых, кые будуть безлетно обитать у энтот вунструменте, кады-то варганенным из простой тонкой куги. Прикрыв котомочку, мальчишечка разогнул спину и глянул в улыбающеся лицо Сома, неотрывно следящего за евойным движением. И расплывшись вулыбкой в ответь, прытко побёг, тудыкась... увысь на пригорок.

Землица, прикрытая густыми травами, оные почитай достигали колен отрока, нежно прикасалась к босым плюснам, она ласкала его кожу и по-матерински одаривала прохладными лобызаниями. Борилка, точно кака птиченька, взлетел на тот бугорок и остановилси на егось покатою макушке. У там у дали... в предрассветной тусклости утра он узрел усё таки ж низки взгорья, у окоёма оканчивающиеся тёмными, выпирающими из озечи пежинами сливающимися с серо-золотым небушком.

Лёгенький ветерок, эвонто, по-видимому, Восточный пролетел сувсем близёхонько и коснулси своим одеянием лица мальчика, подкинув вверх его длинны светло-пошеничные волосья, обдав свежим дыханием землицы и осыпав, околот него, в травы прозрачны росинки. Энти капельки попадав у смарагдовые растеньица у миг утопли в них, омыв своей чистотой их благолепные глади тел. Токмо не усе росинки стекли по долгим тоненьким травам, овые из них зацепилися за края и повисли, заблестав светозарными, золотыми боками в каковых отражались выходящие на небосвод солнечны лучи. Мальчишечка зачурованно глазел уперёд, таче перыводил взор и сотрел на пригорки, шо соседничали с тем на котором он стоял. Дивная сторонущка, чистая и светлая лёжала сторонь ним, справа перькатывая воды струилась речущка. То громко, то тихо она перькидывала водицу, ударяя ейной капелью по ровности каменьев, пела песню вольную и счастливую, и чудилось Бориле у том распеве приветствовала вона подымающегося у поднебесье Асура Ра и его созидающий солнечный воз.

Долзе так стоял мальчуган можеть приглядываясь, прислушиваясь к энтоту краю, а може просто любуясь им. Вон глубоко вдыхал насыщенный прохладой бодрящий воздух, наслаждаясь тишиной нарушаемой инде лишь протяжным, сонным окриком совки, оная издалече тихонько посвистывала: «Сплю... ю... ю! Сплю... ю... ю!», словно посмеиваясь над мальцом. Сплюшка, тюкалка, зорька так величала ту малу совушку беросы. Занеже как часточка на «сплю» откликалась тюкалка раскатистым «тю... ю... ю». Занеже как и на утренних зорях, и опосля восхода красна солнышка посвистывала зорька, приветствуя зачинающийся день.

Штаны Борилки у там идеже он их подвертал намокли, а права штанина и вовсе от бегу, развертавшись, спустилася к долу. Мальчик медленно приложил к губам грани кугиклы и несильно дунул у дырочки. И враз по землице... эвонтой... вроде як и чужой, не родной тому

простому, бероскому отроку, и усё ж единой, кликаемой одним обьчим именем Бел Свет прокатилися знакомы напевы его далёких предков, в жилах каковых сочилась, васнь по узбоям, юшка воинов, кровь самого быкоподобного Асура Индры.

Неторопливо выводил Борюша родные с малолетства напевы, и перьплеталася у них упавость бероской земли и любовь, грусть и тоска по сродникам, свет кый нёс он в своей детской да ужотко точно повзрослевшей душе. И улетала та погудка тудыличи, у приволье, к тем самым тёмным пежинам, шо доколе виделись тока отроку и напоминали то ли горы, то ли град.

Тишь наступила вокруг тех мест, смолкла не тока сова-зорька, казалася стихла, да понесла бесшумно свои воды, реченька пужаясь нарушить возникшу благодать.

И тадыкась нежданно лба мальчика коснулись тёплы лучи льющиеся от воза Ра... Сияющие, золотые полосы дотянулись до зелёных с карими брызгами очей. И Борилка усмотрел выходящих с под тёмных пятен взгорей, раскинувшихся впреди, волов тянувших восхитительно пылающий солнечным светом воз со стоящим на нём Богом Ра. Асур возвышалси на золотом возу и в упор глядел на мальчонку. На евойном лучисто-золотом лице, полыхающем на вроде огня, увидал мальчик махунечки, белы капельки васнь вспыхивающих искорок, которые проносилися у разных направлениях. Златые кудри Ра струились за ним по глади неба, а долги вусы и брада, ово ли от бойкого ветра, ово ли оттого, шо Бог торопилси, зацепившись за одеяние, висели днесь на евойном плече. Унезапно Ра чуть-чуть приоткрыл уста и выдохнул отнуду изогнуту, семицветну радугу, каковая будто лесенка пролегла от рта Асура да резко вдарилася своей светозарностью у глаза отрока. И немедля Борила услышал слова... да не просто слова, а разгадку... имя того меча Индры, которое сице и не смог припомнить як не старалси.

Вон расслышал то имечко, и от нечаянности свершившегося сей миг прекратил выграть на кугикле, обомлел. Сердце у евойной груди захолонуло от волнения. И тады ж конец радуги скользнул по лицу отрока и Бога да вуся она опустилася тонюсеньким прозрачным лучом на травы обратившись у крупны капли водицы. Мальчуган ищё раз повторил про себе поведанное Богом и звонко загреготал, радостно и громко. Утак, абы тяперича, непременно, пробудилися соотчичи и узнали, чё разгадка у его руках. Узнали и поклонились великому Богу, который защищает, даруеть и любить Бел Свет и каждого кто туту-ва живёт... не важно человек ли то, зверь, птица, жучок, деревцо або мала травинка.

– Аття! Аття Асур Ра! – загамил отрок... громко... громко... шоб непременно вуслышал Бог. – Аття тебе за помочь!

Мальчик шагнул уперёд, словно жёлал у тем шагом, покрыть дальни дали до Ра и низко до самой оземи поклонилси Асуру, дотронувшись рукой до мокрых трав да встряхнув с них остатки радуги-росы, перьливающейся семью цветами, униз.

– Борюшенька, чаво... чаво тако стряслось? – обеспокоенно гикнул Сом и поднялси с землицы, встав на ноги.

Мальчуган ищё раз поклонилси Ра, и кадось увидал аки Бог широкось просиявши, чуть заметно кивнул ему у ответь, развернулси и побёг униз с пригорка к Сому, размахиваючи на ходу кугиклами. Воины от звонких криков Борилки враз попросыпались, да повскакивали с мест, а узрев радостно лико мальчика и сами ослабились, засветилися.

– Усё... усё... ведаю то имя меча Индры! Ведаю! – кликнул малец, подбежавши к Сому и раскрывши объятья, крепко обымал того. – Ведаю, дядька Сом. Мене Ра егось молвил... эвонто як.

– Вжесь енто точнёхонько гутаренто, эвонто як, – нежно прижав к себе мальчика и погладив его по вихрастым, густым волосьям, согласилси Сом. – А я позоруту вроде як радуга из небушка на оземь впала.

– Впала... впала, – вторил воину мальчуган, и, втянул в себе знакомый, и ставший точно родным запах Сома, да тутась же выскочив из егойных объятий, обозрел обступивших их соотчичей. – И Ра мене молвил... Помог мене, от то б я бы николиже не докумекал... николиже.

– Значить надоть и нам поблагодарить Асура, – заметил Былята и первым из спутников поклонился восходящему Солнцу, зычно сказав, обращаясь к Богу, – аття великий Ра за твою помочь! Светишь ты нам из году у год, из веку у век, пособляешь и спасаешь... щедро даришь тепло и жизнь! Благодаря доброте твоей божественной живём мы у Бел Свете! Аття тебе за усё то чё даруешь по теплоте своей души нам! – прокалякал тот говорок Былята и ащё раз преклонился пред Асуром.

А следом за ним усё другие воины, и ано соня Гуша, токмо абие подскочивший с лежака, и конча Борилка поклонились Богу, благодаря за столь неоцениму помочь да признавая евойну доброту и величие. Асур Ра, хоть и оченно занятый своей многотрудной работой, обаче приметил проявленно ко нему почтение да в ответ послал таковым малешеньким на его взгляд, токась не менее дорогим для его души, людям махонисту полосу солнечного света, она в мгновение ока просушила усё желды и ноли до колена сыры штанины мальчоночки.

– У токась чаво ты так Болилка гломко смеялси? – недовольно спросил Гуша, не успели странники ищё толком разогнуть от поклона спины. – Сначала иглал на вэнтной своей тлостинке камышовой, таче смеялси, гамил... Ты коль кочемалить не хошь так нечегось длугих подымать. Иглает он, гамит, сувсем никогось не почитаешь... Да коли б ты лос следи шишуг тебе за тако скверный поступок, тебе б... ты б...

Гуша нежданно, так и не досказав, прервалси, судя по сему, обдумываючи у чем таким страшным можно пугнуть до зела смелого отрока. Но докумекать ему так и не удалось, оно как недалече от негось, лёнливо помахивая крылами, пролетела здоровенна бабочка. Размах ейных крылов был почти с ладошку отрока, таки большуще бабочки не обитали у бероских краях. А посему ими засегда любовались воины и Борила, и засегда им радовалси шишуга излавливая да отправляючи у роть, а засим гутаря, шо вони дюже сладки. А ента бабочка була ослепительно жёлтая, ейны крылья блистали усякими разными оттенками эвонтого цвета, начиная от светлогу и кончая смаглым. Сами же края крыльев являли ноли, шо бурый цвет... Узрев таку сласть, Гуша резво позабыл о всяких нравоучениях и кинулси вслед за добычей. Водним прыжком вон перьмахнул чрез костерок, чуть було не сбив с ног Орла, и выхватил несчастну жертву лялизкой прямось с полёту за крыло. Язык немедленно влетел обратно у распахнутый роть, а шишуга прикрыв от довольству глазищи веками, принялси неторопливо шамать свову снеть.

Усё то произошло так молниеносно чё, по-первому, Борилка ано не уразумел отчавось Гуша смолк, а внегда воглянувшись узрел жующего шишугу, по-доброму просиявши, произнёс:

– Я играл не на тростинке, а на кугиклах. Оно як вельми люблю вэнтов вунструмент и когды вон звучить, слышатси мене просторы да дубравушки наши бероские.

– Дублавушки... плостолы... у то усё добленько, – отметил Гуша и закрутил своей большенькой головёшкой у поисках новой жертвы. – У то усё добленько кадыличи ты выпалси и ладно пожвакал.

И не мешкая ни мига Гуша, здоровенными прыжками, понёсси на пригорок, на макушке коего до того стоял Борил, а ноне зависая над раскрывшимися пред красным солнышком жёлтыми, алыми, белыми цветами в обилие парили синие, голубые, зекрые и васильковые бабочки, по виду не намногось меньче чем у та каковую сжувал шишуга.

– Эт, Гуша у одном прав, – закалякал Гордыня, и посотрел услед шишуге ужесь доскававшему, будто жёребёнок, до вершины кургана и днесь своим длинным, липким языком принявшегося излавливать таковых купавых бабочек. – Надоть и впрямь пожущерить. Так чё, нутка Орёл и Крас ступайте к реченьке принёсите водицы, а я да Сеслав подрубим у тех кустиков, абы кушанье приготовить.

– А можно и мене с Орлом и Красом сходить... Вони воду наберуть, а я искупаюся? – спросил Борилка у Быляты, у оного усе ащё немногось болела обожжённая рука нонече покрытая тонкой розово-белой кожей.

Старшина воинов зекнул зелёно-серыми глазами на мальчоночку и расплывшись у улыбке, кивнул, разрешаючи тем самым итить скупнуться, да ласковенько огладив дланью свову густу ковыльну браду, пробалабонил:

– Если токмо не взмёрзнешь. Оно як водица до зела бодрящая.

– Ни-а, – подсигнув увыспрь от радости, откликнулси отрок. – Я вчерась её пробывал, ту водицу... она ничевось... ладненькая.

– Ну, коли, ладненькая, то окупнись, – изрёк вступивший у молвь Сеслав.

И потомуй как Орёл и Крас, взяв у руки кубыни, ужотко направилися к речке, Борюша немедленно сорвавшись с места побёг за ними, на ходу сымая с себе пояс, рубаху да развязывая гашник, вставленный под кромку на поясе штанов. Обогнавши по пути, неспешно идущих, робят малучаган приблизилси к бережине реченьки, к которой вёл маленько пологий спуск, и, бросив вещи на травушку, чё подступала прямо к гладким камням, вбежал у воду. Да враз попрдержал свову поступь, затаивши дух.

Ух! вже до чавось водица була холодна. Вона на маленько даже обожгла кожу ног. Обаче капельку опосля малец, по природе крепкий, обвыкси и сделал несколько шажочков по дну реки... восторожных таковых... медленных, оно як стопы вельми бойко по тем ровненьким голышам скользили. Течение реченьки лениво влекло воды свёрху, но ближе ко дну дюже порывисто утягивало за собой, желаючи сбить отрока с ног. Одначе мальчик маленько покачиваясь усё ж выстоял и неторопливо дойдя до середины реки, иде вода дошла до колена, остановилси. Неторопливо сице, абы не свалиться Борила развернулси, и, вставши лицом навстречу течению, замер, набираясь храбрости для нырка под водицу.

– Борюша, вылазь, – окликнул егось с берега Крас, набирающий воду у кубыни, чуток повыше того места, идеже находилси мальчишечка. – Вода льдяна... увесь перьмёрзнешь.

У то Крас вернёхонько бачил, вода чудилось льдяной, васнь её токась тронул своим зачурованным посохом Мороз сын Богини Мары... Трескун, Студенец, Зюзя, Морок, як его ищё кликали – Асур зимы, снега и холода. Обаче Бориле уже весьма хотелось окупнуться, шоб ощутить на коже лёгкие струящиеся потоки дарующие чистоту тела и бодрость духа! Потоки наполненные жизнью и природной силой, кои сотворены для продолжения усега сущего на Бел Свете, кои являются жизненным колом наряду с землёй, огнём и воздухом.

– Ух! – довольно дохнул мальчуган и резво впал у воду.

Борилка, набравши воздуха полную грудь, сувсем на малеша, нырнул углубь речки, вопустивши под воду не токмо тело, но и голову, опершись ладонями обеих рук и пальцами ног о каменисту гладкость дна. Студёны струи хлестнули мальчика у лико мелкими каплями брызг, оные враз выскочили с под камней. Потоки водицы вжесь обняли мальчоночку со усех сторон, наполнив кожу и тело благодатью и источником жизни. И тады ж унезапно Борюша уловил под дланями едва ощутимое колебание озечи, будто б гдей-то шло мощное стадо мамунов, а може ано не шло, а бежало. И энтов гул, дребезжание разносилось по матушке-землице отдаваясь дрожью у руках мальчика.

Поспешно вынырнув из речки, вынув оттудасы уначале главу, а засим и усё тело, обаче ищё опираясь руками о доньшко, Боренька застыл... затих... Да вгляделси тудыличи, откеда и катила свои воды реченька, напряжённо стараяся узреть чё-нить у прозрачной дали, оканчивающейся тёмными пежинами гор. Однозвучный топот множества копыт явственно ощущалси под дланями и казалось мальчишечке, шо реченька перьбрасываячи прозрачно-голубые воды чёй-то ему шепчет. И у том шепотке, который перьмешивалси с ейным звонким журчанием, перьстукиванием капель о гладеньки бока камушков, чудилси Борилу говорок женский. Нежданно в воде мелькнуло почитай прозрачно лицо младой, хупавой дивчинки. Её светло-

голубые очи воззрились словно из глубин речных, а длинны серебристы кудрявы волосья задели руки мальчика.

Борила первёл взор и посотрел на Богиню воды, добрую и светлую, дающую жизнь усему живому в Бел Свете. С под легохонько струящейся водицы на негось глядела вона Богиня, кью беросы величали по-разному, ибо имя ей давалось от реки, протекающей у эвонтом крае. Одначе было у неё и то единое имечко, оным кликали её усе беросы. Дана, Водица, Ведь-ава у тако её почтительно называли. Оно як прежде воду звали ищё ведой, ибо энто чудо умеет не тока слушать, но и впитывать у себе мысли, поступки, слова живущих посторонь неё людей, а посему ведает, чем живуть таки человеки. Ведь она Дана, Водица, Ведь-ава девонька младая, чистая и светлая верить тем людям, которые приходят к её бережинам, абы обмыть тело и душу... Дана жалеет, любить и бережёт тайны людски, вона смывает с них не тока грязь, но и тревоги, напасти, болести.

Еле зримое лицо с маленьким, чуть вздёрнутым носиком, пухлыми, бледно-розовыми губками, загнутыми пенистыми бровками и ано высоким лбом на крохотку выступило с под водицы. Голубы глаза на сиг увеличились, призываючи мальчонку ко вниманию.

– Чавось эвонто? – тихонько поспрашал Борила и кивнул у сторону слышимого звука, обращаясь к Богине.

– Полканы... полканы... жур... кап, – отжурчалась в ответ Дана, чуть видно приоткрывши свои уста.

А мальчик вуслыхав чудно слово, каковое не кадысь доселе не слышал, легохонько вздрогнул. Вон хотел було спросить Ведь-аву о том, кто таки полканы, но та словно растворилася у прозрачности вод, а ейны серебристы волосья убежали униз по течению реченьки.

Глава третья. Встреча с полканами

Борила стремительно вскочивши на ноги, принялся озираться, тяперича опираясь о речное дно стопами, и вошущая сувсем невнятное движение, точно у то трепетание озечи создавала лишь Дана влача за собой воды. Вупорно всматриваясь уперёд, вертая главой да оглядывая земли окресть себя, мальчик так-таки ничавось не зрел. По-видимому, те самы чудны полканы, коль и шли к путникам, были усё ж покедова далече. Посему отрок, торопливо развернулси и бойко направилси к берегу, идеже его поджидали, с полными кубынями воды, парни о чём-то негромко калякавшие.

Выскочив на бережину Борилка немедля кинулси бежать к старчим воинам, на ходу подхвативши свои вечи, и ано не воглянувшись внегда Крас да Орёл егось окликнули, взволновавшись тому як поспешно тот метнулись из реченьки. Мальчоночка вельми растревожилси полученным известиям, понимая, шо эвонти... таки неведомы и чудно зовущиеся полканы, неизвестно отнуду скачущие могут нести с собой каку неприятность аль бёду, оно потомуи, вернёхонько, и предупреждала о той встрече Богиня.

Ретиво вбежав, словно взлетев на покатошь, коя вела от берега и вупиралася у курган, мальчишечка узрел восседающих, посторононь разгорающегося костерка, Сома стругающего ножом у большой котелок собранные в пучок тонки, зелёны травинки, Быляту зорко глядящего за у тем действием, да Сеслава принёсшего и подкидывающего в полымя те самы сыроваты ветоньки, напоминающие ивы. Веточки негромко похрумкивая зачили покрываться пляшущими рдяными искорками. С под чёрных угольков на гибки отросточки, усё ищё покрытые листвои, прыгнули лепестки огня, и также резко почитай, шо сиганул к костру Борилка, порыvisto дохнув, от скорогу ходу, застрявший у груди ком воздуха.

– Ты чё не одет? – взволнованно воскликнул Былята и беспокойным взором оглядел мальчика.

Отрок мгновенно остановилси в шаге от костра и сбивчиво молвил:

– У тама... у реке... Вона... Дана... Ведь-ава гутарила... гутарила чё полканы. Верно идуть, оно як оземь уся... уся трясётся.

– Чавось? Кака Дана? – взбудоражено перьспросил Сеслав и оторвавши взгляд от костра, повернул голову, зыркнув серо-зелёными очами на Борилку да стремительно дунул себе под нос, прогоняючи у тем дуновением едкий, густой, белый дым, поднявшийся увись от започа того огня, и дохнувший воину прямо у лицо.

– Полканы? Иде? – не менее всполошённо прокалякал Сом и рука евойна, настругивающая в котелок каку-то травяну снедь, зависла у воздухе.

– Тама... энто... Ведь-ава... полканы, – наново неясно повторил мальчуган, и мотнул головой, а с егось волосьев по влажной коже спины усё шибче потёкли струи холодной водицы.

Однакось Былята, поднявши с присядок и распрямивши спину, пройдясь взором свёрху униз по отроку, да не узрев на нём никаких увечьй, вяще спокойным, ровным гласом скузал:

– Борюша ня чё не поймём мы. Ты, погодь... погодь... успокойси и ну-кась приоденьси. Натяни на себе штаны, а опосля усё толковенько поясни.

Мальчик стыдливо вопустил глаза удол и покрасневши аки ядрённа, чермна, выпивша вышня тяхонько: «Охнул!» Вон бросил на траву рубаху, пояс и принялся спешно натягивать на себе штаны, завязываячи на поясе гашник.

– Ну, вот тяперича луче, – улыбаяся отметил Былята, и левой дланью провел по холсту рубахи укрывающей больну руку, васнь огладив её. – А днесь рубашонку накинь... и тадыкась гутарь.

Борила тута ж наклонилси к рубахе и протянув к ней леву руку, сызнава ощутил у то само чуть вздрагивающее колебание землицы. Он опустилси на корточки, и упёрси левой ладо-

шкой у землю, примяв к ней чуть склонённые желды. И тогда почувал, оттедась с под самых глубин Мать-Сыра-Земли раздающейся гул. Гам шедший откеда та, у то мальчонка точно увидал, напряженно выззарившись у маленько дрожащу обратну сторону пясти, принадлежал не мамунам, а лошадиным копытам, ходко ступающим по таким же зелёным травам. И у тех копыт было много... много... не меньше шёсти аль восьми десятков.

– Борюша ты чавось затих? – поспрашал Сеслав, прерывая напряжённое взглядывание мальчика у свову руку.

Мальчуган отвёл очи от тыльной стороны длани и вдругорядь мотнул головой, прогоняючи у те виденны образы. Медленно вон споднял рубашонку с оземи, да вставши на ноги, уютко паче спокойным голоском поведал воинам о том, чё вуслыхал, почувал и узрел, перьмешивая сказ, дальнейшим облачением одежи на себе.

– Полканы, – протянул Сеслав то редкостно величание какого-то волшебного создания аль народа и перьглянувшись с Былятой, подалси с корточек. Он неторопливо испрямилси, да добавил, – ты знашь Борюша кто таки полканы?

– Ни-а, – поспешно откликнулси мальчик и собравши в узел свои густы волосья, крепенько крутнул их, выдавливаючи остатки водицы.

– Полканы, – продолжил баляканья Сеслав и отряхнул длани рук друг о дружку, сбрасывая с них вниз остатки землицы и коры. – Оно их ищё кличуть полу-конём. Энто волшебное племя имеет до стана человечесий облик, а ниже пояса облик коня... У то великий, сильный и отважный народ. Вон издревле обок Торонца, как раз с у тех самых пор кадысь на Бел Свете явилси ихний прародитель и Асур мудрости Китоврас.

– Оно токмо у Бога Китовраса, – вмешалси у говорок соратника пришедший вкупе с парнями Гордыня, сжимающий у руках нарублены ветви ивы. – Имеютси крылья. Вони находятся у негось за спиной человеческого тела... И крылья те оченно могутные, и гутарять схожи с крылами лебеда... у таки ж беленькие.

– Да-к, у так в преданьицах молвят, – согласилси Сеслав и кивнул. – Жили полканы обок Торонца с самого началу, а таче кадыличи Индру Дый вырвал из землицы-матушки, ушли с эвонтих краёв. Занятно мене знать отколь вони у енттой сторонушки появились... неужель усё ищё живут обапол Торонца?

– А мене иное волнует, – произнёс Сом и остриём ножа провёл по подбородку и щёке, потому самому месту, откеда вылазили покудова коротки белы жёстки волосья браны. – Добре б Борюше эвонтих полканов набрать у наше воинство. Они ж полканы лучше усех с лука стреляють... Сказывают у байках чё их стрелы не ведают промаха.

– У то ты прав Сом, таки воины нам нужны, – изрёк Сеслав. И задумчиво оглядел енти живописные, а усё ж чуждые просторы земель, да обращаясь к мальчику добавил, – ну-тка Борюша приложи ищё-ка свову рученьку к оземи да прислухайси... Далёко они, энти полканы... да с какой сторонушки их нам вождать.

Послушно кивнув в ответ мальчуган сызнава опустилси на корточки, прислонил свову, таку зачурованну, леву ладошечку к самой землишке, плотненько приткнув травушку и обмер... затих... обратившись увесь во слух. И сей сиг ощутил под дланью бойкое постукивание копыт о почву. А взглядевшись у обратну сторону пясти узрел крупные лошадиные будто лощённые, блистающие копыта, ступающие по смаргадового цвета травушке ломаючи, пригибаючи её к самой почве. Идей-то совсем близёхонько звонко запела, зажурчала реченька, перьстукивая капельками водицы о гладки камешки, вывела громкое «полканы», а засим послышалси какой-то иной, не бероский говорок.

Борилка отвёл глаза от ручонки, покрутил головушкой сице, чё длинны усё ищё сыры волосья качнувшись, прилипли к правой щёке, нырнули чрез легохонько приотворённые уста у рот. Неторопливо вубравши с губ и щеки энти липки волосы, мальчик пояснил, неотрывно следящим за ним старшим:

– Неть, не видать идеже вони. Вижу токась, шо скачуть по таковой же як и у ны травушке... да речка рядышком поёт, журчить, чё у то полканы. Верно, идутъ вони с востока. Можеть с самого Торонца? – спросил отрок, и, поднявшись на ноги, обозрел воинов.

– Ты знашь, чё Борюшенька. Ты подымись-ка на пригорок и оглядись. – Не отвечая на спрос мальчишечки молвил Былята, и, обращаясь к стоящему осторонь него сыну, дополнил, – Крас и ты с ним сходи... Глаза младые може чё и углядите. А, ты, Сом ну-кася пошустрее снеть готовь... Оно надоть по-скорому пожелвить да итить уперёдъ.

Выслушав указание старшины воинов Борила чичас же побёг, мгновенно сорвавшись с места, на пригорок, на коем ищё излавливал бабочек Гуша, не обративший внимание на столпившихся и о чём-то беспокойно гутаривших путников. Шишуга шустро перьскакивал с одного края вала на другой, сигая як по егойной макушке, так спускаясь и маленько нижее.

Вбежав на курган мальчик остановилси на егось покатою вершине, укрытой ужесь примятой от топтания Гуши траве и воззрилси впредь... тудыличи вдаль... откеда тянула свои воды реченька, и иде высились дугой высоки горы.

Крас вошедший на пригорок следом, расположилси подле и оглядевшись, спросил:

– Ну чё, видать чё-нить Борюша?

Борила медлил како-то времечко с ответом, пристально всматриваясь у те дальни просторы, а засим молвил:

– Кажись я прав. Эвонто они идутъ, – он протянул праву руку и указал перстом у направлении реки. – Гляди-ка они почитай по краю берега скачуть.

Ащё малеша мальчуган зыркал глазьми тудыкась, куды казал Красу, а чуток погода чётко разглядевши далёки образы вершников, поспрашал:

– Зришь, Крас?

С поднизу на пригорок поднялси Орёл, услышав последню реченьку отрока. Вон встал осторонь Краса, справа от негось, и также як и друг приставивши ко лбу руку, прикрыв втак очи от ослепительных лучей Асура Ра, вперившись взором у даль зелёных взгорий, прокалякал:

– Я вижу како-то пежины... Эвонто точно ктой-то скачить, но вельми вони далече, поколь не разобрать толком.

– А мене кажется, – забалыкал малец, и зане як красно солнышко весьма слепило глаза, приткнул руку ко лбу, распрямивши над очами длань. – Чё у то вершники, а не полканы.

– Идеже... идеже... полькони, – заверещал подскочивший к Борилке Гуша и выгарашил свои махунечкие зелёные глаза, ураз укрупнившиеся в ширшине, на капелюшечку ано перьстав шамать. Евойный ротъ приотврилси и показал ряд зубов обильно покрытых остатками недожёванных несчастных бабочек. – Не надоть польконевам, не надь... Они ж любять жаленных шишуг. Ох! как любять... и... и... и, – звонко подвизгнул Гуша и абие выплюнул изо рта свову длинну лялизку словив парящую подле левого плеча Орла бабочку, таку купавую с лучисто-голубыми крыльями.

Унезапно промелькнувший предъ очами Борилки, Краса и Орла долгий язык Гуши вызвал в робятах немалый перькос улево и порывистое дрожание тел. Оно як не вожидали вони, напряжённо всматриваясь у то приволье, узреть осторонь своих носов таковую неприятную на вид склизкую зелёно-серую лялизку.

– Вох! Гуша! – возмущённо воскликнули в два голоса вьюноши и повели в сторону жамкающего шишуги глазьми, а мальчик и вовсе утёр лико от разлетевшихся во всех направлениях густых слюней соратника.

– Эвонто за таки деяния, – отметил опосля Крас и поморщилси. – И схлопотать могёшь... Оно як вельми противно, молвлю я тебе, наблюдать когды обок твоево рта и носа така склизка дрянъ, величаемая лялизкой, лётаеть.

– От, коли тебе плотивно Клас, так ты не позолуть, – откликнулси Гуша ни на миг не прекращаючи жёвать. – Кто ж тебе заставляит позолуть. Коль вутак плотивно... чё ж я должён с голоду подыхати.

Крас жёлал було чёй-то вответить наглещу шишуге, вон ужотко ано раскрыл для того рот, намереваяся гутарить чавой-то до зела грубое, да токмо робят позвал желвить Былята, у чем самым и спас Гушу от резкого и нелюбезного бачинья.

Кадысь усе позаутрокали приготовленну Сомом похлёбку, со добытых по-вечёру гусей, в оную добавили собранных Сеславом чуток горьковатых, и у то ж времечко весьма ароматных трав, вьюношей направили мыть котёл и ложки, а усе прочие стали собираться у стёжку. Оно як с утраца Ра вельми крепко начал сугревать землю. И у та теплота спускалась не токмо от лучей красна солнышка, но так-таки, у то странники заметили ащё вчерась, подымалась с под почвы будто, штой-то сугревало её снизу.

Воины ведая, шо полканы, по байкам, народ не злобный, а смелый и могутный, обаче, кумекая, чё инолды и преданья вошибаюти (у то особлива подтвердила встреча Борилки с Богами Оземом и Сумерлой) на усяк случай хорошенько оглядели свои мечи и луки... проверили наличие стрел у тулах, да оправили на себе одёжу. Борила повесил на плечи котомку, повязал на леву длань тряпицу от рванного киндяка, абы не притягивать меч дядьки Быляты, чудно подчиняющийся ему, и закинул на праву руку лук. Туло мальчонки нёс Орёл, потерявший свово у бою с Хмырями, шоб пособить Борилке и у то ж времечко иметь под рукой усяк морг стрелы.

Возвернувшийся опосля мытья котелок закрепили на котомке Сома, и засим недолзе прощаясь с таковым упалым местечком, идеже провели мирну ноченьку, отряжались дальче. На ентот раз, рассудили, Ёжа не пущать уперёд и оставили у котомке отрока. Былята осведомлённый чё полканы трусят по берегу реченьки, и сам направил ход соотчицей тудыкась. Пони-маючи, шо с хозяевами эвонтой стороны лучше встретиться лицом к лицу, оно ж не даром вони скачуть к ним. Прознав аль вуслыхав, чё к ним идуть чужие або гости, ужось кто для полканов станут путники окажитси видным сразу при толковище.

Сойдя с пяточка на коем кочумарили к заберегу реки, направились супротив ейного течения. Реченька негромко чавой-то журчала. Ово ли пела каку песню, ово ли жёлала пояснить чё мальцу... иль просто гутарила сама с собой, поелику, у то известно сякому беросу, любить бачить Богиня Дана. Перьговариваитси она со своими манюсенькими капельками, пузыряками, вопрошая их идеже чаво прилучилось аль стряслось. Энто занеже без ейного веления ни иде волна на чевруй и песьян не выкатитси, ни иде водица не вдаритси об лбище и слуду.

Боренька шёл следом за Былятой прижимаючи леву ладошку ко груди, воущая под ней легахонько теплющийся зачур-слезинку Валу, и настойчиво зарилси то у даль (энто кадыличи вони на како возвышение подымалися), то у саму прозрачну реченьку в надежде вдрогорядь узреть распрекрасное лико Богини Веды-авы. Но Дана больче не казалась.

Нонече на небосводе не было ни туч, ни воблачков. Сыновья СтриБога тоже кудый-то запропастились, оттогось дневной зной был парящим и липким, а одёжа на путниках вскорести взмокнув, своей влажностью стала слабенько остужать спины и грудь идущих людей.

Усяк раз внегда странники взбирались на курган мальчик примечал проступающие усё четче и четче образы ездецов. И коли у начале дня ему ищё чудилось, шо то скачуть вершники, то к полудню, кады Ра нависал над ними своим возом и жарко согривал землю сиче, шо от неё подымалась ввысь полупрозрачная пелена, Борила узрел, у том отдалении, ретиво ступающих скороходью полканов.

Невдолге Борилки удалось разглядеть ентов волшебный народ. Полканы шли нарысью, их було не меньше пятнадцати, и в руках вони сжимали копыя да массивны комлясты дубины. Увидав у то оружие отрок чичас же об эвонтом поведал воинам, кые тревожно перыглянулися, а шишуга звучно заверезжал, шо нонче настал последний дянёчек жизни у Бел Свете и ко

вечёру сёрдиты полькони изжарять аль изварять егось, тако разобиженного Гушу, у боляхном котелке... а опосля изварения пожущерять.

– Ну, на усяк случай будям готовы к брани... Кто ж знает с чем вони пожалуйть, – разумно молвил Былята, поглядев на подкатывающего от страху глазёнки Гушу, нервно потряхивающего руками, и своей мощной головёшкой.

Старшина воинов ащё малешенько зарилси на шишугу, а посем расплывшись у улыбке, повелел встать Борюше позадь странников, сразу за Гордыней и пред Гушей.

К концу дня Ра, подъехавши к краю небосвода, на маленько придержал своих волов, по-видимому, давая времечко людям и полканам встретиться при солнечном свете. Тады-кась потомки Китовраса приблизились настолько, чё стали видны усем. Отчавось ищё звонче взвизгнул Гуша и легахонько застонал, обаче узрев суровый взгляд оглянувшегося Гордыни мгновенно затих, изредка выпускаючи из себе лишь протяжны, прерывисты вздохи.

А пред странниками ладненько проступили полканы, оные на загляденье были крепкими и ражими воителями. У начале скачущих потомков Китовраса шёл самый могутный полкан. Енто казалси богатырского сложения воин с махонистыми плечьми, человеческим торсом, облечённое у тонку белу рубаху без рукавов, да опоясаное золотым поясом с вкраплениями, по у той хупавой поверхности, красных крупных яхонтов. На дивном сияющем поясе справо висело туло, без крышки, откедась выглядывали перьевые концы стрел. Пояс проходил у том самом месте, иде человекье тело перьходило у лошадиное. Цвет кожи, у эвонтого полкана, являл собой смуглость один-в-один с оттенком гнедой шерсти жёребца. Жилисты руки сжимали мощный лук, ноли раза у два больче чем бероский, с широким васнь серебристым древком, да пылающими смаглым цветом рогами. Свёрху по рубахе, не имеющей ворота и окаймляющей шею тонкой золотой полосой, проходила толста бела цепь, творённая из округлых перьплетённых меже собой колец, с ноготь шириной. У три из которых были вставлены лучистые смарагдовые камни. Долгие тёмно-коричные волосья полкана дотянулись до середины евойной спины, вжесь такими были длинными. Аккуратно вубранные за уши, вони, колыхаясь, струились по спине, точно водны потоки, верно вутаками являлись гладкими и мягкими. По середине лба пролегал серебристый, вузкий снурок также плотно дёржавший волосья отчавось они во время скока не лезли у лицо. Первый полкан был вельми красив, а на его нешироком лике располагались два больших карих глаза, маленько горбатенький нос, придающий ему мужественность и силу, тонкие алые уста, да острый, длинный подбородок, раздвоенный на конце. На лбу воина, залегало несколько глубоких коротких морщинок, перьсекающихся с двумя ня менее яркими, оные пролегали меж дугообразных тонких, чорных бровей. Таки ж тонки морщинки отходили от уголков глаз, бороздили кожу униз исходя от крыльев носа, и на безусом, безбородом лике до зела явственню, проступаючи, гляделись.

Старший полкан был ужотко не молод и разнилси по возрасту с Былятой и Сеславом токмо парой годков не паче. Однакось скакавшие за ним потомки Китовраса были заметно моложе егось. Их кожа була разного цвету и уся совпадала с окраской лошадиной шёрсти. Зрелись тама и каурые со светло-буровой кожей, и саврасые со светло-смуглой, и караковые с тёмно-смуглой, почитай коричной, и вороные с чорной кожей... и чалые – у то серые с примесью иной шерсти и таковой же кожей... Скакали и буро-чалые, и рыже-чалые, и вороно-чалые.

Полканы были усе ражие и пригожие. Токась разной у той купавостью, одначе усё ж берегаючи горбатость носа, лучистость карих глаз и полно отсутствие волосьев на лице. У чё ащё было вудивительным, шо и человекьи ихни руки не покрывали, як у беросов, волосья.

Те самы тонки снурки, усяких разных цветов, проходящие по лбу плотно прижимали их долги волосы, не даваючи возможности им разлётаться. Усе полканы, окромя старшего, были обряжены во тёмно-голубые, гладкие рубахи без рукавов и вороту, расшитые около шеи яркими красными узорами. Як правильно поведал Борилка, издалече увидав оружие у руках полканов, те пришли и впрямь снаряжёнными. Ноли усех на широких сырмятных поясах,

усыпанных дивными ярко-голубыми камнями, висели туло полные стрел, на плечах поместились луки, а у руках вони сжимали, не меньше маховой сажени у длину, копья с мечевидными наконечниками, и дубины. Токась у те, как показалось мальчику, комлясты дубины выглядели весьма чудно и в отличие от бероского оружия, у длину достигали локтя два. Мощна рукоять казалась деревянной и оканчивалась железным шаровидным набалдашником со множеством раскиданных по полотну толстых шипов и поразительно созданных угловато-острых граней.

Полканы подъехав суссем близёхонько и узрев идущих им навстречу людей, сдержали свой скок, перьдя по-началу на шаг, а посем и вовсе остановившись. Былята и Сеслав шедшие упреди странников, наблюдаючи за чужаками, приблизившись ищё ближе, тоже встали, идей-то в шагах семи-осьми от них, за ними следом сдержали свой ход и прочие путники. И на эвонтой чужой, покрытой невысокими курганами с поросшей на них густой травушкой, землище наступило отишие.

Водни разглядывали иных...

Токмо слышалось журчание реченьки льющей свою водицу недалече, да иноредь, чтой-то, позадь беросов, оченно тихонечко стенал пужливый Гуша. Прошло немного время и тот, по-видимому, старший полкан, облачённый у белу рубаху, сделав небольшой шажок впредь и чуть видно склонив главу, чавой-то молвил на изумительном языке, произнося говорок с каким-то вроде як раскатистым ржанием:

– Урулэ рага аравру? Дабамаз рутал?

Глава четвёртая. Темник войска полканов Рам

Странники выслушали непонятну молвь полкана, и Былята как старчий средь беросов, шагнул оперёд да кивнувши у ответь прогутарил:

– Мы беросы. Идём из града Гарки у град Торонец.

– Беросы... ф... р... р, – повторил старшой из полканов и поспрашал тяперича ужо по бероски, – а зачем вам нужен град ТарАнец? – явственно выделив у именование града эвонтов звук. – Чего вы там ищите?

– Мы пришли по велению Асура Крышни, – немедля ни мига ответствовал Былята. – У поисках меча Бога Индры.

– Ф... р... р, – шумно дохнул полкан и враз зычно засмеялся.

И евойный развеселый смех без задержу подхватили и други полканы, будто Былята калякал чавой-то весьма для них потешное. Они завертали головами, затрясли плечьми, а овые из них и вовсе подались на задни ноги, вздев передни, отчавось у сторону путников полетели с копыт комья зёмли.

– Вже мы так кадый-то тоже смеялись, – зекнув глазами у направлении Сеслава, тихонько балякнул Былята.

А не выдержавший такового непочтительного приёму Борилка громко произнёс:

– Ужось вы не гогочите, не гогочите утак осе... Гоготать будяте кадыся я из энтого самого каменно-серебристого возвышенья, оное окружають горящи, огненны реки достану меч.

Не успел мальчонка тот говорок пробачить, як полканы мгновенно прекратили смеяться и смолкли, лики их посурьёзнили, а старшой полкан взволнованно вопрошил:

– Урулэ редна рупазри? – на егойном мужественном лице напряглась кажна жилочка, словно вон был потрясён вуслышанным. Посему он малёхо медлил с перьводом, обаче, чуть-чуть попозжа пояснил, – кто это сказал?

– Я у то гутарил, – звонко изрёк Борила.

И у тот же морг длань Краса лёгла на егось плечо, желаючи сице сдёржать эвонтов гневливый порыв. Одначе малец резко дёрнул плечом, и, стряхнувши с него руку парня, обошёл Гордыню и Сеслава, да выступив впредь, приблизилси, почитай вплотную, к Быляте, продолжив каляканья:

– У то я тако гутарил. Я, Борил, сын Воила и Белуни, потомок ярого, быкоподобного Асура Индры. Я прибыл сюды, у град Торонец, аки то велел мене мой Бог Крышня, сын Асура Вышни, Ясуня простора, Сына Закона, Прави и Бел Света, по оврингу коего следует мой род, абы добыть меч мово предка. И у тем мячом изгнать из земель бероских злобно воинство, шо движетси во главе с панывичами.

– Ты дитя ащё, – оченно мягко и широко улыбаясь, сказал полкан, да пронзительным взглядом своих лучистых карих очей вызарилси у лико мальчика. – Но ты очень смел и силён. И, судя по всему, ты вельми храбр. Храбр, коль пришёл сюды из далёких краёв... Так-таки чай, думается мне, не добыть тебе, того меча, Борил, потомок Индры, ибо тот меч подчиняется токмо силе Асура.

– Силе Асура и силе егойных потомков, – разумно пробалабонил отрок, и качнул главой, стряхнув с плеч на спину свои длинны волосья, кинутые тудыличи дуновением пролетевшего ветерка.

У высоком ясном, наполняющемся синевой ночи, небосводе усё ищё недвижно стоял Ра, инде колыхая златыми поводьями, точно придерживаючи своих, желающих уйтить на покой солнечных волов. Бог сотрел на встретившихся людей и полканов, да посылал у их сторону тёплы лучи свету. Чуть слышно скользил недалече от них Восточный ветер, явившийся к вечеру

в эвонти земли, и также внимательно наблюдающий за у тем толковищем, иноредь взъерошивая долги волосы гостей аль хозяев того края.

– А с чего, Борил, решил ты, что твой предок сам Бог Индра? – наново спросил старший полкан и провёл перстами левой рукой, по сжимаемому у правой, древку лука, при близком обозрении оказавшимся сварганенным из разнообразных пластин дерева, отчавось и зовущимся разрывчатым, да дивно вукрашенным по поверхности серебром. – Ведь у Индры, – дополнил своу реченьку вон, – не было детей от людского племени.

– От у то ты не прав, – Борила токась започал гутарить и осёкси на полуслове. Оно як не ведал как обратиться к полкану, посемену покумекав, добавил, – я тебе полкан назвалси своим величанием, ты ж ни-а... Чаво у нас у беросов не принято.

– Ишь ты не принято у них ф... р... р, – усмехаясь молвил полкан, и перьступив с ноги на ногу немножечко развернулси, казав мальцу свой мощный круп, по оному пару раз крепко вдарил гладкий, как и волосья на главе, тёмно-коричный хвост. – Зовут меня Рам, что значит солнечная судьба. Я темник войска полканов, каковые живут с давнишних пор в граде Таранец. С тех самых пор когды от явившегося дивным образом Бога мудрости и волшебства Китовраса, возник народ наш.

– Значить, Рам, – отметил слегка сбивчиво мальчик, обдумываячи молвь темника, и не знаючи як лучше его величать. – У Торонце живут полканы... не люди?

– У ТарАнце... у ТарАнце, – сызнава выделил правильно имечко свово града темник. И тады токась принялси пояснять, – в древлие времена в Таранце жили люди... Обаче когды Индра покинул эти края, люди тоже ушли вслед за Богом. И тяперича тут живут только полканы... Одначе ты не ответил на мой вопрос. С чего ты, Борил, что значит борящийся, заключил и именовал себя потомком Индры. У Бога никогда не было детей от людского племени.

– Внегды Дый вырвал из землицы-матушки Индру, возвярнувши его к жизни да пробудивши, – откликнулси малец, и почемуй-то горестно вздохнул, вжесь точно стыдясь у тем похваляться. – Индра удалече построил град Индью. Полюбил вон о ту пору деву из бероского роду, оная родила ему сына сильного и ярого аки отец, красивого и смелого аки мать, – повторил Борилка слышанное кадый-то от Бога Озема. – Тадыличи даровал Индра сынку тому имечко Велеба, чё значить повелитель.

– Потому как желал Индра, чтоб сын его Велеба правил в Таранце, был его повелителем, – дополнил сказ мальчишечки Рам, по-видимому, знавший егось не хуже, а може и лучше Борила. – А ту деву... ф... р... р.. жинку Асура и мать Велебы звали также, как и твою мать – Белуня. Но тот мальчик пропал вместе с Белуней. Они исчезли, канули в небытиё. Индра искал их многи лета... многи века, но так и не разыскал ни сына, ни его потомков.

– Эвонто занеже у та бероска дева. Мать мово роду, – продолжил Борилка стоило Раму стихнуть. – Вона ушла и схоронилася, прося Вышню укрыть её и Велеба от взору Индры. Поелику не жёлала она, шоб сын ейный, был, чьим бы то ни було повелителем. Не жёлала она, шоб шли потомки, из роду её, по Лунному оврингу Дыя, а засегда направляла поступь диток своих по Солнечной стёжке... по торенке Бога Вышни, пути Сварожичей. Да сиче и сбылось... Усе из мово роду-племени шагають по Солнечному оврингу, и потому днесь я причёл у град Таранец, шоб выполнить веление Асура Крышни.

– Откуда про всё это узнал ты, отрок бероский? – настойчиво перьспросил Рам, васнь не веря своим вушам и сказу, да вдругорядь хлётко огрел себе по крупу хвостом.

– Вон вызнал об том, – вступил у говорок Былята, стоящий посторонь Бореньки и положил ему руку на плечо. – От Бога Подземного мира Озема, какового посетил кадыличи мы шли сюды.

– От Озема ф... р... р..? – удивлённо повторил темник полканский.

И абие перьстал оглаживать перстами древко лука, на мгновение застыл, пристально всматриваясь у мальчика, может ища там черты сходства с Богом Индрой. Засим вон продел сквозе леву руку лук и закинув его на плечо, произнёс:

– Много... много людей приходило к нам в поисках меча Индры. Приходили они и уходили... Те же кто был вельми смел погибал у горящих реках. Вы привели сюды мальчика, почитай, что дитя и мерекаете, ему удастся добыть зачурованный меч? Меч выкованный самим Сварогом? Меч богатырский, каковым бился сам быкоподобный Асур? Никому... никому доселе не удавалось добыть меча... никому!

– Эвонто усё, занеже до сих пор не приходил тот кому вон бул суждён. Кто смогёт его добыть, – пробалыкал мальчуган и широкось просиял, удивившись тому, шо смог гутарить таку вумну реченьку, а Былята ласковенько сжал егоино плечико, верно, втак поддерживаючи.

– Ты не сможешь на нём биться, – нежданно встрял в каляканье иной потомок Китовраса и сердито зыркнул очами у мальчика.

Енто был саврасый, светло-гнедой с желтизной, полкан имевший такого же окраса кожу и волосья. Вон дёржал у руках ту саму комлясту дубину с набалдашником, и каза свову силу перьбрасывал её с одной у другу руку. Содеявши пару широких шажков уперёд, и поравнявшись с Рамом, вон придержал свову поступь, да обращаясь к темнику негромко пробачил:

– Техли Рам лахмпи удаман ападду. Налах рутну лапох. Раганат дабадар арахко.

– Ихашдар, ихашдар Рат ф... р... р, – неторопливо молвил саврасому полкану Рам и повернувшись к нему, чуть качнул отрицательно головой. – Лапах руплагах. Натап рагандамх рутну сихар, – темник на малеша смолк и перьвёл взгляд, воззрившись у мальчонку да ослабившись у улыбке, добавил, – х... рупладгаж. – А опосля продолжил ужо по-бероски, – ладненько. Мы готовы отвесьть вас к мечу... Одначе коли вы не сможете его добыть, то в эту ж ночь уйдёте с наших мест и более не возвернётеь. Согласны на такие условия?

– Согласны, – изрёк за усех, будто нонече вон был старшой, Борила и кивнул, у тем самым подтверждаючи свои слова.

– Обещаете уйти и более не появляться у Таранце? – перьспросил Рам, жёлая, судя по сему, получить ответ не тока от мальчика, но и от взрослых.

– Обещаем, – у ентов раз, беросы ответствовали усе хором, и ано сзади подвизгнул чейто не разборчиво Гуша, мечтающий вубратьси отседова прямо чичас не выпытывая судьбу добыванием меча Индры, да боязливо прижалси к стоящему осторонь него Красу.

– Тогда поступим так, – раздумчиво забалабонил темник, и, взглянул на, усё ищё находящегося на небесном склоне, красно солнышко. – Вы сядете на нас. Поелику отсюда до Таранца далёко и мы вас повезём. Токмо повезём не в град, а к мечу... Горящие реки каковые его омывають лёжат немного в стороне от града и первое, что нам встретится на пути, это пропасть с мечом.

Борюша и вдругорядь принимаючи на себе старшинство, скузал за сех странников:

– Пушай будячь сице.

Да у тот же миг вуслыхал позадь себе тихий, недовольный шёпоток Гордыни:

– Добре ж хозявы. Гостей так привечать... Точно не им Богами говорено: «Гостя привечай любовно». У беросов подобаеть прежде накормить, напоить и у баньке искупать, а посем дела творить.

Мальчик, порывисто оглянувшись, и зекнув глазами у тако родненько бероское лико, стоящего позадь него, воина, ласковенько ему вулыбнувшись, отметил:

– Эт, потому у нас тако повелось, дядька Гордыня, оно як мы дети самого Вышни – Ясуня простора. Вжесь раздолна у Бога нашего душенька, махониста у беросов и встреча гостей. Поелику ступаем мы по пути Солнца.

– Ужотко у то верно сказано, – согласилси Гордыня и расплылси в ответь мальцу.

– Тогда, – прокалякал Рам, точно не слыша недовольного шепотка Гордыни и молвь Борюши. – Каждый из вас сядет на одного из нас. А отрока... отрока повезу – я! Борил ступай ко мне.

И мальчуган услышав тот зов, тутась же шагнул уперёд, приблизившись к полкану прям упритык. Темник Рам наново обозрел Борила, восстановившись взглядом на перьвязанной левой ручонке, засим малешенько согнул передни ноги у коленях, наклонившись таким образом, шоб мальцу було сподручней взабратьси на евойный высокий стан. Протянувши руку увьсь, отрок обхватил, чуть влажну, конску спину и подпрыгнув выспрь, резво перькинув праву ногу, вуселси на полкана. Вон торопливо испрямилси, разогнувши спину, и крохоточку двинувшись впредь, уселси вудобней. И тадыкась Рам разогнул ноги у коленях, повёл покатыми, мощными плечьми, встряхнул головой, отчавось сызнава заструились по его спине слегка заметными волнами, прямы волосья и темник неспешно перьставляючи копыта по прямой зелёной травушке, принялси разворачиватьси. Усе другие полканы, по-видимому, беспрекословно повиновавшиея Раму, стали раступатьси пропускаючи его уперёд, овье из них подставляли свои спины спутникам Борилки. И когды темник вывез мальца у начала воинства, пройдя скрозе разошедшихси у сторону потомков Китовраса, вжесь усе беросы восседали на полканах. Водин тока Гуша никак не мог решиться залезть на рыже-чалого полкана и испуганно верезжа, убегал от негось, стоило тому подойтить ближе к шишуге.

– Гуша! – узрев у те метания, кликнул Борилка. – Садися... садися ему на спину, а у то окажишьси тудо-ва водин.

Рыже-чалый полкан сызнава сделал попытку приблизиться к шишуге. Обаче Гуша шустро сиганул назад, подскальзнувшись при приземлении, вон чуть було не впал на оземь, но усё ж смог вудержатьси на ногах, при том тяжелёхонько качнувшись и звонко застенавши. Шишуга выпучил вутак шибко свои небольшие глазёнки, чё глянувшему у них мальцу показалося они сверкнули, несмотря на светлость вечёра, як ярчайшие гнилушки.

– Оставь его, – обратилси к рыже-чалому Былята, восседающий сверху на саврасом полкане, оный балякал с Рамом. – Пуцдай вон бежить за нами... не надоть егось сажать, а то вон такой перьпуганный могёть ащё усё спину перькарябать. – И вобрацаясь к шишуге, добавил, – Гуша беги за нами... Гляди-ка токмо не вотставай.

– Агась... агась! – обрадованно гикнул шишуга, а глазёнки евойны сызнава приняли положенный им малешенький и тусклый вид. Он махнул рукой у сторону рыже-чалого полкана да прокалякал, – скачи... скачи у сам, а я за вами побегу... плитко, плитко побегу. Ужось шишуги плитко бегуть... плитче лошадей.

– Полканов, – возмущённым гласом поправил Гушу рыже-чалый полкан, и сёрдито вдарил копытом у землицу.

– Агась... агась польконеv... польконеv... запаятовал..л..л! Усю... усю... захлётнуло память... усю, – поспешно ответствовал шишуга и яростно замотал из стороны у сторону главой.

Рыже-чалый полкан пренебрежительно глянул на, точно ошалевшего от страху, Гушу и брезгливо фыркнув у егось направлении, гордо прошествовал мимо, подойдя к перьступающим с ноги на ногу соратникам, судя по сему, жаждущим ужотко скакать.

– Тогда у путь, а ваш шишуга пускай бежит, коль не желает ехать, ф... р... р, – произнёс раскатисту реченьку Рам, и сделал пару неспешных шагов уперёд. – А ты, Борил, – дополнил он, – держись руками за мой пояс.

– Добре, – согласно прогутарил мальчишечка и не мешкая схватилси правой рукой за пояс темника.

Промеж того левой рукой он перькинул чрез голову лук поместив его на спину свёрху на котомочку, гдесь пыхтел Ёж и стрекотал ванов-червячок, шоб у тот не мешал во пути. И стоило токмо ему у то действо произвествь, як Рам повелительно скузал:

– Ну-дарх!

Да мощно топнув правым копытом у землю втак, шо абие с под него у разны сторонушки полетели комья почвы, и будто б подрезанны остовы трав, перышёл на быстрый шаг тронувшись у направлении града Торонца, аль як вернее бачить Таранца. Борилка крепко держась рукой за пояс темника, всматривалси у лежащи пред ним земли и нонече явственно различал тама, высоки дыбистые взгорья, вытянувшиися вдоль окоёма и словно подпирающие небесну лазурь. Первый ряд у тех взлобков и впрямь высилси дивной загнутой дугой да имел вид каменный творёный из белого голыша. На нем не зрелось ни деревца, ни травинки, и вон кажись был пониже, у тех рядьев идущих услед за ним. У те ж последующи рядья были покрыты зелёными травами, и, верно, оземью, занеже виделись ихние бока зекрыми... А там... там... дальше за теми зелёными макушками, малость, обозревались почитай серовато-белые вершины можеть покрытые снегами и льдами.

Возвышающийся пред Борюшей Рам загораживал своей дюжей спиной просторы раскинувшихся впреди земель, а висевший на левом плече лук покачивалси и ударял покрытым серебром древком несильно егось по колену. Посему мальцу пришлось положить на колено леву руку, прикрыв его сверху ладонью. Древко нанова качнулось, и, опершись о тылну сторону длани, васнь прилипло ко нему, а мальчик вощутил легохонько покальвание у пясти. Шоб созерцать приволье полканских земель отроку приходилось глазеть по сторонам, аль наклоняясь у бок, выглядывать из-за Рама. Стоило полканам усем перыйти на быстрый шаг, як темник, оглянувшись, взмахнул правой рукой. И немедленно к нему подъехал молодой да пригожий, вороно-чалый полкан с тёмной, почти чёрно-коричной кожей лица, рдяными губами и чорными жгучими глазами. Он поравнявшись с Рамом, и заметно склонив пред ним голову, не перыставая бойко шагать, молча ожидал веления.

– Итахуг михок х-лиераб дун сана рутаж сихар Дев Индры, – молвил на полканском говорке Рам, развернув управо свову голову и посотрев на подручника. – Раганат урвара Таранца нарок граса хаж. Ирог храгил джмера наларх айсур.

Вороно-чалый полкан почтительно кивнул в ответ, полыхнул в сторону Борилки своими, точно прогоревшие угольки, чернющими очами, и зычно кликнув: «Ну-дарх!» ретиво снялси с места. Спервоначалу перейдя с шага на конский скок, а засим и вовсе побёг вовсю прыть...

Борила, склонившись, выглянул из-за Рама и принялси наблюдать як скоренько вуменьшайтси образ посланного уперёд полкана. Опося ж, кадыличи тот вроде и совершенно затерялси среди пригорков, да токмо иноредь мелькал будто небольшо тёмно-пшенично зёрнышко, забалабонил с темником, каковой усё ищё шёл (хоться и прытко), верно, давая времечко свому подручнику оторваться от них.

– Асур Ра, вжесь почитай достиг краю небосклона, – скузал вон старшому из полканов. – Невдолге ночь придёт.

– Мы полканы в ночи хорошо видим, – ответствовал Рам и пошёл живее, перыходя на скоходь.

– А мы не зрим, – тихонько прогутарил Борилка и повертав главу посотрел назад, на иных полканов везущих егойных соратников и на покидающее Бел Свет красно солнышко.

Мальчуган хотел було чавой-то добавить, эвонто как оченно тревожилси, шо следующий позадь усех Гуша, тоже у ночи не зрить и могёт в чуждом крае затеряться, но посем не стал у то бачить. Он ужось чуял како-то неуверенность исходящу от Рама точно тот единожды пужалси и недоверял ему. И ента чуждость, у то малец скумекал сразу, як токмо узрел потомков Китовраса, була оттогось, шо полканы, в отличие от беросов, шли не по Солнечному пути. Одроче овринг их был не Чорным, ни ЧерноБожым. Вони, у те полканы, шествовали по пути егойного предка Индры, по Лунной торенке. Оттогось одёжи их были сице нежны и гладки, на шеях висели золотые и серебряны цепи, а пояса являли дивно украшенные самоцветные каменя.

По-видимому, у то усё и казалось довольство да пышность жизни... даровало власть, богатство и золото, як молвил о том Валу.

Борила ву так мерекая, промеже того, лицезрел земли окресть себе, инолды поглядываючи назад на чуть розовату полосу оставленну напоследях светлым солнечным Ра. Смекаючи чё коль ему усё ж удастьси добыть меч, то и эвонтих, ходющих по оврингу Дья, полканов надоть призвать у свово воинство.

«Добыть меч,» – наново повторил про себе мальчуган таки заветны слова, и широкось вулыбнулси воззрившись на тот бледнеющий розоватый луч, словно живущий последний сиг у Бел Свете.

Евонто благодаря щедрости и доброте Ра, Борюша днесь ведал зачурованно величание меча, каковое по семицветной радуге, райдуге, равдуге, Калинову мосту, аки её кличуть, будто по лесенке, по оной любять хаживать Асуры, поглядываючи, помогаючи аль просто желаючи быть поближей ко своим дитям-людям, спустил ему Бог. Калякають беросы, шо радуга така дивная, семицветная, венчающая у себе имечко Ясуня Ра, эвонто поясок кадый-то обрonnenный Богиней Ладой, жинкой Сварога, покровительницей усех женщин Бел Света. Енто Ладушке, Богородице светлых Ясуней, сохраняющей и оберегающей браки возносят славления и просьбы бероски матери и жёны, прося о защите их них деток, семей, мужей. И Ладушка слышит усе стенания, хлюпанья и усяк раз откликается на них приходя, абы ободрить матушек, придать сил али вутешить жинок. Ибо любовь ейна безмерна да велика як и сама Богиня. Посему засегда осторонь беросов Лада, засегда в реченьке, в словах их языка. Оно как почасту мужи бероски величают ласково своих жинок – ладушками, а те у ответь звали любезных сердцу мужиньков – ладо. Внегда у чё по-доброму решалось промеж людей балякали – лады, ладненько. Обрядь наречения кого-нить женихом и невестой звалси – лады, свадебна песенка – ладканя, уговор о приданном нявесты именовалси – ладником. Да не можно забыть и ладони у коими матушка нежно гладила по волосьям свово дитятко, у то ж несло во себе величание Богини.

Есть така байка у беросов, шо давным давнёхонько Богородица Лада, скинула со небесного купола свой чудной полыхающий семи цветами, плятёный поясок и сошла по нему к болестному ребетёночку. Вжесь истомившийси от трясавицы малец то не спал, то не дышал... вумираючи. Впала та радуга-поясочек прям к баюколке подвешенной у избёнке к потолку. Спустилася по у той радуге Лада-матушка да прикоснулася чудными устами ко лбу младенца, будто свово ребетёночка нежно приняла у рученьки, и на малешенько прижала ко груди. И от той божественной любви покинула дитятко подла, злобна хворь, болезнь, Лихорадка.

А Богиня ужось покляла мальчоночку у колыску, убрала пошеничный волосок с лика его и поспешила увыспрь... тудыличи у Небесну Сваргу, шоб не быть замеченной людьми. Да поясочек свой от той торопливости и позабыла прибрать. Або може нарочно воставила, шоб вон вроде як был лесенкой меж Богами и людьми, меж Сваргой и Бел Светом, меж миром горним и дольным.

Осе с тех пор, кадыкась на небушке появляется радуга, спешать люди вознести туды свои просьбы, спешать загадать мечтание. Оно как ведають вони, шо энто Боги по равдуге хаживають, желая быть ближе к беросам. Тадысь и кажетси добеги до еного места да рукой райдугу достанишь, да самих Ясуней увидишь.

Вмале у та сама бледновато-розовая полосонька, како-то времечко осеняющая небушко и оземь, потухла да наступила тёмна ночь. На мрачном, чёрном далёком небе появились и замерцали звёзды, а опосля словно из-за самого краю дыбистых гор, идеже ютились Торонец, выплыла вобрезанна на половину луна. У Борилки от того залиvistого света, шо скинул с себе униз Асур Месяц, чуть колыхающийся у серебристом ушкуйнике, на миг сомкнулись очи. Встряхнувши главой, мальчик резво открыл глаза и взгляделси в залитые лунным сиянием

земли полканов, с раскиданными на них низкими курганами, со звенящей справа от едущих реченькой, перьтряхивающей капелью водицы.

Рам маленечко качнул Бореньку из стороны в сторону, будто у тронутой любящей рукой матери колыске, подвешенной к потолку избы заколыхалси отрок. А у месте с ним дрогнули евойны, налитые тяжестью, веки и вдругорядь сомкнулись очи. И чичас же малец заснул... заснул, да взрел, как выступив из тьмы видений, иде править и вуказывает Бог Сон, сын Мары, скинулась, вроде свёрху, прямо к его лицу тонка така семицветная, блистающая радуга, а по ней спустился сам великий Асур Крышня. Таковой як видал его, тадысь, у ночь на Купала Борилка. Высокий, крепкий и ужотко зрелый годками Бог был красив, той мужественной, божественной красотой кака свойственна усему светлomu и чистому. У Бога була бела кожа лица и рук, светло-пошеничные, почти ковыльного цвета, волосья, озаряющиеся восьмиконечной, солнечной звёздой сверкающей над егось главой да раскидывающей тот свет окресть няго. Высокий лоб и малость широковатый, аки усех беросов нос, алые полные губы и тёмно-голубые очи, такие точно сотришь ты удаль на летне высоко небушко любуясь голубизной. Асур был обряжен у белы тонки штаны да лёжку, белу рубаху, расшитую по вороту и низу, таку прозрачну, чё зрелось его налитое мощью тело. Рубаха пущенная на выпуск, опоясывалась свёрху красно-золотым плетёным поясом, а на ногах Крышни имелись кумачовые сапоги с тонкими, кручёными шнурками упереди, крепко обхватывающими голень. Асур сотрел на отрока и улыбалси, да вулыбались не токмо евось уста, но и тёмно-голубые очи. Крышня легохонько склонилси над мальчишечкой и несильно ткнул его перстом у лоб, тихонько молвив:

– Не спи... Ты, что Борюша, не спи упа... дё... шь...

Да сызнава ткнул у лоб вуказательным перстом. И от эвонтого толчка мальчуган абие пробудилси, ощутив, как тяжело под ним вздрогнуло лошадино тело полкана, а права рука ослабнув, на мгновение, выпустила евойный пояс. Резко подпрыгнув увись, и по-первому ничавось не скумекав, Борилка, обаче, протянул упереди обе руки, и, обхватив Рама за стан, обнял егось, прижавшись лицом и грудью к мягким, струящимся волосьям темника. Немедля с левой длани сползла удол тряпица, вулетевши кудый-то под ноги полкана, а зачурованна ладонь притянувши пояс, задрала его уверх втак, чё вставленный у него камень прилип к ней.

– Ты, что заснул? – обеспокоенно гикнул Рам и кажись замедлил свой скок, перейдя на шаг.

– Агась... заснул, – робея, отвечивал малец, и, дёрнув леву длань, отравал её от камня, отчавось униз враз съехал пояс полкана.

Строжась вынув руку из лука Рама, висевшего на его плече, у кый вона влетела, кады мальчуган обымал полкана, Борил наново возложил её на колено, правой же дланью схватившись крепенько за пояс, у прежднем месте.

– Не спи Борил ф... р... р., – прерывисто дохнув произнёс Рам, и прибавивши ходу, вдругорядь поскакал. – А то можешь и упасть.

– Эт, я спонял... чё могу впасть, – откликнулси мальчик и закрутил головой, изгоняючи из очей усякий забежавший тудыличи сон. – Да токмо глаза слипаются, – чуть тише дополнял вон.

И немешкаючи принялся оглядыватси, моргая веками и стараясь вокончательно пробудиться. Вкруг него у землях, чрез оные вони скакали, сквозила тьма, низки круганы уступили место широкой равнине и лишь блёклый свет месяца, вже подошедшего к краю небесного купола, озарял просторы края. Обаче там упереди, куды с кажным лошадиным шагом приближались они, стал выделятси лучистой дугой жёлтого света тот первый рядь взгорья. Казалось энтос свет мельчайшими смаглыми искорками был разбросан по поверхности того ряду. Левее тех самых гор, из оземи и вовсе выбивалси яркой стеной почитай редрый свет. Он проходил не широкой, но длинной таковой полосой, и вупиралси одним краем у дальний стык горной гряды, а эвонтой, ближней стороной обрывалси недалече от скакавших полканов.

Чудилось ещё немногось и вони войдут у тот веский свет, бьющий точно крыница с под землюшки. Борилка взгляделси у ту саму светлу, брезжашу полосу, коя весьма хорошо зрелась и смекнул, шо енто и есть горящи реки у которых находится меч Индры. Он долзе всматривалси у ту ослепительность, а посем узрел як от крутых, отвисных скал, по каковым мерцали смаглые искорки, словно перьходящие тем миганием углубь поднебесья, стали отделятси снопы светозарных капелек. Енти огоньки перьмещаясь по самой оземи у направлении к горящим реченькам, роняючи, оставляли по мере движения за собой те жёлты капли, словно прочерчивая оным светом торенку. Мальчик выглядываючи из-за Рама, молча, наблюдал за тем медленным плясом света, а кадыличи сноп искорок достиг горячей полосы реки, и замер на месте... неподвижно как-то и ажно перьстав мерцать, глаза Борилки сызнава сомкнулись. Вон на немногось погрузилси у сон... такой плотный, густой... уж точно нырнул у тёмную плотную хмарь али чёрну мару.

– Проснись! – услышал, он зычный грай Рама.

И молниеносно открыл глаза, закутил головой, да, испрямившись, выззарилси у едва озадряемую спину темника, стараясь прогнать такой приставучий сон и слабость наваливающуюся на негось, да гнувшу голову к спине полкана.

– Борил! Проснись! – вдругорядь кликнул Рам и сдержавши бег, перьшёл на шаг.

– Не сплю! Я не сплю! – гикнул в ответ мальчонка и шумно захлопал ресницами выдворяючи сон из очей и сердясь на проявленну слабость.

Ищё крохотку пред егось глазами кружили каки-то кумачные искорки, а посем вони махом остановили свой хоровод. И Борилка сызнава подавшись улево, узрел близёхонько, васнь у нескольких саженьях от себе, зачинавшуюся широку пропасть.

Неторопливо подъехав к округло-рванной с уступами и впадинами кромке обрыва, загнутой по коло и медленно обогнув её, повернули улево да тронулись по энтой стороне пропасти. Ярый свет, подымающийся из неё, лучисто освещал усё кругом. Вытянувши шею, мальчик глазел у саму ейну глубину, жёлаючи узреть таковую, но смог увидеть лишь ту сторону провалу. Верней её каменисту стену, от которой отражались яркие рдяные языки пляшущего у глубинах провалу пламени. Ащё маненько, напрягаючи очи, Борила взглядывалси у то пропасть, но Рам к ней не приближалси и двигалси быстрым шагом далече от её краю. Восклонившись, Борюша перьвёл взор и посотрел управо да при том чермном, ясном свете лицезрел стоящих у ряд иных полканов, сжимающих у руках большие, горящие светочи. Эвонтов ряд потомков Китовраса поместилси не токмо вдоль обрыва, он уходил прямой стёжкой упираясь в всящиеся гряды гор, иде мерцали, як тяперича смог приметить малец, веские костры, разведённые у небольших выемках, крепостной стены, града Таранца.

Глава пятая. Урвара града Таранца

До Таранца было ищё далече, вон восталси, возвышаясь каменной крепостной стеной, по праву руку от Борилки, а Рам подвозил мальчика к стоящему упереди полкану, каковой увесь зрилси белым и не токась егойна шерсть на теле жеребца, но и кожа, и длинны волосья на голове усё, усё являло собой чарующую белоснежность. Энтот полкан гляделси туту-ва самым старчим, верно, находилси у главенстве ано над Рамой. Обряженный у ярко-жёлту рубаху, обшиту по вороту и подолу золотыми нитями, вон словно гутарил, своим обликом, о довольстве и пышности собственной жизни... о дарованной ему власти и ниспосланному богатству. По его высокому белому, морщинистому лбу пролегал не снурок, а пальца у два шириной златой обод. По коло огибаючи главу, он удерживал долги волосья от растрёпанности, а на его поверхности перьливались три редрых, ноли с четверть длани, яхонта, оные ащё величались лал-камни, полыхающие густо красным с фиолетовым оттенком светом, таким, каким сиял зачур на груди отрока. Полкан держал у руках тонкий посох, изжёлто-белый, будто увитый свёрху нежной, серебристой ветонькой, на которой трепетали искусно выточенные лоптастые листочки, с покоившимися на них капельками голубых, полупрозрачных камушков. У ентото полкана не имелось цепи, пояса, и оружия, як у других потомков Китовраса, судя по сему, вон не был воином. Испестрённый глубокими морщинами, тарацившимися с под обода, лоб гутарил, шо белый уже пожилой, начавший стареть полкан. У тех паутин-морщинок казалось уймища и окресть глаз, и бледно-розовых губ, они поместились у негось даже под его горбатым носом и там отвесно спускались, иссекая кожу, от ноздрей к устам. Тёмно-карие очи сотрели на прибывших вельми подозрительно, а губы узрев Раму и выглядывающего из-за евойной спины мальчишечку немедля изогнулись у презрительной улыбке.

Темник, остановившись в нескольких шагах от белого полкана, чуть зримо поклонилси тому, и тадыкась Борила не вожида я повелений и чуя, шо чичас уся сурьёзность в спасении беросов ложиться на егось плечи, поспешно спрыгнул со спины Рама. Обойдя темника, мальчик встал супротив белого и на малеша застыл. Светозарность, парящая у евонтом месте, изливающаяся от полыхающих у провале огненных рек давала прекрасну возможность мальцу разглядеть усех полканов, аки их старшого, так и иных, поместившихся поправу сторону у рядье и тяперича надменно глазеющих на него. Оглянувшись назад, мальчуган увидел подъехавших воинов-полканов, и спешивающихся с них беросов, да ужотко смелее посотрев на белого, маленько кивнув, в дань почтения, главой, звонко молвил:

– Здрав буде, старчий из полканов... не ведаю, ей-ей, как тебе величать.

– Меня следует величать урвара Кера, – силным с отдышкой гласом ответил полкан, точно пред у тем говорком прытко пробёг значительно ра-стояние (слово у речи беросов, наново ведущее начало от имени Асура Ра да поясняющее длину, промежуток меже чемнить). – Я тут один из старейших урвар града Таранца, а посему отрок...

– Борил, – торопливо кликнул свово имечко мальчишечка и враз смутившись, зарделси, смекнув, чё урваре не понравилось, шо вон говаривает с ним на равных, оттогось и губы его сменили выражение с презрительное на сёрдито, натянувшись будто пряма, крепка ужа.

– Так вот отрок Борил ф... р... р, – продолжил каляканья усё тем же недовольным голосом Кера и кажись не двигаючи устами, вжесь так гневилси. – Думается мне ты слишком юн, чтоб начинать разговор со мной, а потому...

Обаче урваре не удалось догутарить желанное, а Борюше вызнать у ту реченьку. Оно, як подошедший сзади к мальчику Гордыня, придержавший своу поступь справа от него да явно задетый таким неприветливым приёмом, сурово сказал, и у гласе евось затенькало, словно натянута тетива лука, негодование:

– Ужось ежели нашему Борюше есть, шо тебе гутарить Кера, так пушай он то молвит... И годки евойны туто-ва ни при чём. А вам коль надоть Кера, шоб мы, беросы, головы свои пред вами гнули, так таковому не бывать. Оно як кланетси мы не любим, эвонто ны сице Вышня научил, як балякаетси наш отец и Бог. Вышня сам николиже главы ни пред кем, ни клонил, тому и нас учил. Усе мы значить детки Асуров... не токась вы – полканы, но и мы – беросы.

– Турут, – произнёс урвара и полыхнул у сторону Гордыни, словно чёрными глазами у коих яро вспыхнуло ответное возмущение.

Вон легохонько встряхнул своим долгим, не менее маховой сажени у длину, посохом и на нём, без задержу, заморгали то лучисто, то тускло капли-камушки, по-видимому, жаждая у таким действием привести в испуг воина-бероса. Однакось Гордыня, скумекав, чё на негось бачили чавой-то до зела пакостное, а качанием посоха хотели спужать, не мешкаяючи левой рукой огладил ножны, у которых покоилси меч, нежно проведя перстами и по рукояти, усем своим видом казуя, шо никого не боитси, и в обиду себе не даст. Эвонтово движение заметил не тока Кера, но и други полканы и абие по рядью, у каковом вони стояли, прокатилось возмущённое шиканье. Борила же услышав то шиканье и узрев мановение руки Гордыни, да не желая, шоб разгорелась кака распря, поднял увыспрь своу ручонку и зычно изрёк:

– Меня потомка Индры и бероской девчины Белуни, Борила, прислал сюды Асур Крышня... Я прибыл из града Гарки, пройдя няши населённые нежитью, краснолесье друдов, неприятны земли пекельного змея Цмока, оного мы победили, вотрубивши егойну главу. Я спускалси у Подземный мир Богов Озема и Сумерлы, абы тяперича оказатси туто-ва... недалзе от града Таранец. И вусё енто токмо для тогось, шоб добыть меч великого Асура и мово предка, быкоподобного Индры. А посему полканы, потомки Бога Китовраса, и ты Кера дозвольте мене его достать. И ежели я ведом Асурами, коль я у тот за кого себе выдаю, то меч будять у моих руках, а коль неть, так мы ноне уйдём отседова и николи больше не возвернёмси.

– Посмотри-ка, как он смел, наглый мальчонка, – сердито гикнул урвара и топнул правым копытом по каменистой почве, вогнав её малёхо углубину. – Этот меч века... века охраняет мой народ. И будет он принадлежать ни какому-то бероскому отроку, ребетёнку, а достанетси лишь великому воину.

– А може, вон и есть великий воин, – вступил у беседу Былята, и, подойдя к мальчику встал слева от негось, выступив чуть-чуть уперёд. – Ты, чаво ж Кера мерекаешь воин эвонто тот кто ростом могутен, у ково косовая сажень во плечах?.. А ты слыхивал, кадый-то, про дух воина, про силу духа... Так осе чё я тебе молвлю, у ентого мальчика того духу, на усё твоо воинство хватить... Хватить да с лишком ищё востанитси.

– И чаво тут балякать, – поддержал Быляту Сеслав, и шагнув у передний рядь беросов, расположилси рядом со соратником, да обращаясь к урваре прогутарил. – Ежели Борил тот кем назвалси сице меч будять у евойных руках, а ежели неть, сице ты над нами посмеёшьси, а нам тыдыкась будять стыдно.

– Али ты Кера боишьси, нашего Борюшу? – широкось расплывшись у улыбке и по-доброму спросил Гордыня, он положил длань на плечо мальчика да несильно его сжал. – Верно, боишьси, шо меч усе века дожидалси простого бероского мальчика Борилку... Да ты тадыка не тревожьси, вон же тебе поведал, шо не так прост, шо вон потомок Индры. Так чё пушай нас к мячу и нехай Асуры рассудять, кто на самом деле Борил простой отрок аль потомок Индры.

Кера медлил, он не чаво не отвечал, занеже обдумывал слова воинов, и було видно, у то сразу, страшилси Борила... Боялси урвара допустить к мечу мальчугана, точно ведал чёй-то тако тайное, о чём не жёлал сказывать сам и не жёлал, абы сказывали о том иные полканы. Нежданно наступивше затишье прервал Рам, сделав неторопливы шажки, он обогнул беросов, да подойдя к Сеславу, остановилси осторонь него, а засим пробачил:

– Урвара Кера аджер джмера хела тигрит сихар Дев Индры, – вон на чуток прервалси и повернув голову скользнул взор по беросам, а опосля выззарилси карими очами у лицо

отрока. – Мальчик говорит, этот меч века дожидался его... Что ж будет разумным дать возможность ему, доказать правдивость молвленных слов или опровергнуть их.

Кера выслушал реченьку Рама, и лицо его враз посерело, будто прокатилось по нему тонкой волной бешенство. Засим он и вовсе поморщился да утак шибко, шо явившиеся глубоки полосы рассекли щёки на несколько частей, вже так егось перьдёрнуло от сказанного темником. Вон ащё миг колебалси, а посем качнул головой и у тот же сиг яркость каменьев у ободу резко усилило своу светозарность, да разлётевшись окресть Керы вдарило стоящих людей и полканов таковой сочностью прям у очи, отчавось усе окромя Борилки на маленечко их сомкнули. Вудивлённо зекнув на мальчонку, урвара продолжительно дохнул и ответил:

– Ф... р... р что ж ты прав техли Рам. Пусть отрок попробует достать меч, если не испугается горящих рек.

– Не вспужаюсь, – немедля откликнулси Борилка и сделал порывистый шагжок уперёд.

– Тогда, – Кера расправил своо лицо и глубоки морщины прорезавши щёки пропали. – Иди за мной.

И медленно, вроде не желаячи, развернувшись да махнув чуть зримо рукой, указуя у тем самым следовать за собой, направилси впредь, полканы же, поместившиеся у рядье, абие, склонили пред ним головы. Борила без промедления тронулси следом за урварой, а, выпустивший плечо мальчика, Гордыня и други беросы ступили сразу за ним. Мальчишечка идущий за Керой, видал, як неторопливо шествуя по землице, мощны лощёны копыта урвары выбивают с под себе малые посыпанны камушки.

Смурно сотрящие, на проходящих мимо них людей, полканы были усе снаряжёнными, на поясах у них висели туло, за плечьми луки, а у левых руках кажный сжимал аль дубину, аль копьё. Обозревая таки неприветливы лица, Боренька надсадно вздыхал, понимаючи чё коли ему не удастся добыть меч, верно таки сёрдиты воины не выпустят их живыми. Ужо сице блистал в их карих очах гнев, руки держащи оружие инолды дрожали, а посему не воставляли вони другого выбора мальцу, як токмо итить и доставать из пропасти меч.

Вздевши голову ввысь мальчик вуставилси у чёрну твердь, каковую закрывал своим охабнем евойный далёкий предок Бог Дый – Асур ночного неба, родившийся у начале времён от великой козы Седунь... Оный мог, своей могутной силой, в одночасье помочь ему, выхватив из у таковой приглубой пропасти меч Индры...

Мог али не мог?

Вжесь можеть окромя Борилки и его сродников никто и не мог вырвать у тот меч. А можеть Асур Дый и не жёлал пособлять отроку, ведая, шо шествует он не по Лунному оврингу, а по-иному пути.

Лёгкий ветерок коснулси светло-пошеничных волосьев мальца, и слегка встрепал их. И узрел Борила в витающей червлёности того света образ теплого Летнего ветерка Догоды, самого доброго из Асуров, похожего и обликом, и нравом на мать его Богиню Немизу. Догоду молодого, ражего и сильного Бога, с ковыльного цвета, волосьями, короткой, не густой бородой, редкими вусами, да устроившимся на главе плетённым из васильков веночком. Облачённый у голубо-прозрачну одёжу, почти незримо скользющую по воздуху, и широкими, перьливающимися жёлтым и зелёным светом крыльями, вон пролетев над мальчуганом и просиявши ему широкой улыбкой, легохонько качнул головой, будто хотел тем колыханием поддержать Борюшу и придать уверенности.

Урвара вёл путников изрядно долзе по краю пропасти, отчавось Борилку стало наново клонить у сон и шоб не поддаться ему, да не повалиться от усталости на оземь, вон часточко встряхивал головой, отирал лицо правой дланью, стараясь расшевелить себе. Како-то время спустя, кады на небе, подпираемом дыбистыми горами, появилась тонюсенькая сера полоска, возвещающая приход нового дня, Кера унезапно остановилси, и, повертавшись лицом к беросам, указуя поднятым посохом на обрыв, молвил:

– Там внизу и находится меч великочтимого Бога Индры. Ты отрок, Борил, пришёл за ним... Но прежде чем ты попробуешь его достать я должен, по закону положенному самим Индрой, поведать тебе вот, что, – урвара смолк, и як показалось мальчику, пронзительно скрипнул зубами, вон досадливо качнул головой и камни у ободу на его лбу вдругорядь взыграли лучистым светом. – Много веков назад, – продолжил гутарить Кера, – Асур Индра в поисках своего сына Велеба, того самого рождённого бероской девой Белуней, прибыл в Таранец. Он пришёл сюда, на край этой пропасти, и, взглянув на свой зачурованный меч, выкованный самим Сварогом, повелел полканам... Великий Бог повелел, – урвара сызнова прервалси, томительно вздохнул, и, сведя уместе свои тонки белы брови, добавил растягиваючи слова, – и повелел Асур Индра полканам вступить в воинство того, кто, явившись сюда к граду Таранцу, сможет добыть его меч... Ибо никому, окромя потомка Индры, этот меч не подчиниться, ни для кого, окромя потомка, возвышение не отворитси. И запомни Борил... совсем, не важно, ведаешь ли ты имя меча... не важно, сможешь ли удержать... Ежели в тебе не течёт кровь благородного Асура Индры, меч твоим не станет.

– Добре, – откликнулси мальчик, тяжело задышав от вуслышанного, и стараясь сдержать волнение, смахнул с лица слетевши туды пряди волосьев. – Добре чё Индра повелел вам, полканам вступить у рать его потомка... Оно як я причёл сюда не токмо за мячом, но и за воинами.

Кера перьступил с ноги на ногу, судя по сему, будучи оченно раздосадованным, и коли бы не закон оставленный Индрой, верно, прямо чичас изгнал такового дерзкого мальчугана отседа. Вон даже приотворил свои уста, точно мечтая скузать чавой-то до зела неприятное Бориле, но усё ж сдержалси и лишь резко кивнув, у сторону пропасти, засим малешенько вздел голову и глянул у сереющую полоску на небе. А мальчонка вжесь повернувши налево, направил свову поступь к кромке обрыва. Отрок слышал, як негромко хмыкнув, словно не сомневаясь в его успехе, двинулись за ним следом беросы. И энто хмыканье... хмыканье братьев по крови, по единому оврингу, людей кые пришли с ним из далёких бероских земель, став за долго время торенки родными, придадо ему уверенности, отчавось вон стал итить бойчее, а заходившее, на мгновение, ходором у груди сердце наполнилось смелостью.

С кажным шагом подходя усё ближе к провалу Борилка ощущал струящийся из евонтой глубины жар. Лучистый свет, выбиваясь из бездны, светозарно освещал землю вкруг себе. Кадыкась до краю пропасти осталось дошагать немного, камениста почва, превратилась в сплошной голыш, покрытый свёрху мельчайшими дырами, будто изжёванный аль поеденный червями. У та камениста оземь хрустела под подошвами сапог, вроде ломаемы ветви, а иноредь и вовсе трескалась, разламываясь на части, опосля превращаясь у крошево... песочек.

– Борюша, погодь, – окликнул мальчика, идущий позади него, Былята и наскоро догнав егось, придержал за плечо.

Отрок задрал голову, глянул во взволнованное и, одновременно, родное лицо воина, и вулыбнувшись, придержал свову поступь.

– Потопаем уместе, ну-тка дай мене руку, – молвил старшина беросов и расплылси у ответ.

Борила протянул навстречу Быляте праву руку и внегда тот крепко поял за пясть, пошёл осторонь соотчича, опасливо ставя ногу на землицу, и вроде як проверяючи ейну крепость. Сиче медленно и неторопливо, они подошли к самому краюшку пропасти и востановившись у полшаге от кромки, легохонько выступающего уперёд округлогу уступа, заглянули тудыличи дол... да обомлели.

На самом деле бездна была весьма махонистой и приглубой. И хотясь её супротивный край просматривалси оченно ладно, но тудыкась не то, шоб перьпрыгнуть... не по всякому срубленному стволу можно було перьйтить. Глубина ж пропасти пугала своей далёкостью, иде у тама... унизу, кудыкась могло войтить несколько высокорослых, аки дуб, деревьев, кипяще бурлили смагло-червлёные реки, перькатывающие у разных направлениях полыхаю-

щими водами, поигрывающие рябью волн, выбрасывающие выспры боляхные лопающиеся бул-дыри да мелко-струйчатые струи. Вударяясь о стены провала огненные потоки облизывали их лоскутами пламени, и, вскидывая небольшие волны, всяк миг, накатывали на находящееся, посереде эвонтого огнища, возвышающегося серебристого бугра. До зела гладкого, точно зала-щенного, из макушки коего торчал мощный меч, в рукояти какового горел алый яхонт. Усяк раз кады накатывали волны на то возвышение, али лопались пузыри выпускающие из себе белый, густой пар, у тот подымаясь ввысь опаливал лико Борилки и Быляты сильным жаром.

– Боги мои, – тихо дохнул из себе воин.

Вон отступил назад, и, потянув за собой мальчика, обеспокоенно перьглянулси с Сесла-вом, оный с другогу от него боку также обозревал бездну.

– Як же мы туды Борюшу пустим? – поспрашал Былята и лицо его враз зарделось толь от жару, толь от перьживаний.

– На уже спустите, – прокалякал Борилка, усё ищё ощущая пылкость огня на коже лица и дикий ужас у сердце громогласно стучащий в груди будто бубен. – Я сыму сапоги, вы укрепите на поясе ужу и будяте спущате мене. Озем гутарил надоть спустити ся як можно ниже, абы имя никто не услышал.

– Тама... тама... таковой огонь... ты сгоришь, – дрогнувшим голосом произнёс Крас, также як и други беросы обозревающий пропасть. – Таковой жар, – вон отошёл от кромки обрыва, и, ступив близко к мальцу, добавил обращаясь к Быляте, – отец... Борюша сго-рить, неможно тудыличи егось спущать... Нехай попробуеть отселе, сверху... Нешто можно... мальца... ребетёнка у огонь... вон угорить... вумрётъ.

– Эвонто Крас прав. Потеряем Борюшу, – скузал Сом, соглашаясь с парнем и взволно-ванно утёр струящийся со лба пот. – Спущать нельзя, нехай отседа свёрху попробуеть.

– Сверху неможно... неможно, – отрицательно помотав головой забалыкал мальчонка, и чуть повертавшись казал очами на стоящих недалече урвару и темника. – Озем бачил... имя никто не должён слышать. Иначе вон тогда могёт меч Индры ураз отобратъ у мене... А вони... вони, у те полканы, я уверен... захотятъ ни взираючи, ни на чё забратъ егось. Нетъ... я должен спустити ся... должен... Я выдержу. И посим я у бани с малолетству парюсь долъче сех. Старши братцы не выдерживаютъ того пару, а я ни чё... ни чё терплю... и туто-ва смогу. Имя... имя никто не можетъ слышать, неможно его гикать при эвонтих морщинистых и смурных полканов. Меч, покуда я егось не вручу Валу, должен слухатьси токмо мене.

Сеслав меж тех толкований, наново возвярнулси к уступу и опустившись на корточки, осматривал и ощупывал рукой евойный край, а вегда малец закончил калякать, вставши у пол-ный рост, и малешенько отойдя от пропасти, произнёс:

– Там на эвонтом обрыве, есть така выемка, точно желобок. Я перстом провёл вон гла-денький. Надобно тудыличи ужой попасть, шоб вона не перьтёрлась об остры каменны края стёны, когда мы Борюшу спущать начнём.

– Да, ты, чавось, Сеслав, – гневно загадил Гордыня, долъче сех разглядывающий пропасть да тока днесь подошедший к столпившимся соратникам, и взмахнул рукой, вроде як пытаясь оборвать говорок друга на полуслове. – Ты чё сурьёзно то бачишь. Ты чаво позволешь дитю у ту огненну обрыву лезть? Ты зрел кака тама бездонность, каковой жар пышить, огненны пузыри и струи увысь бьютъ... Може ты сам будяшь его на погибель туды спущать? Поелику я эвонто творить не стану! Не стану я Борюшеньку смерти подвергати.

– А чё ты сулишь дельть, – не менее сёрдито ответствовал Сеслав и упёр руки у бока, да шагнув попередь Гордыни встал супротив него.

– Сам! сам лезай! – у то Гордыня почитай, шо гикнул, и глас егойный задрожал от воз-мущения. – Сам лезай туды! Чавось боишьси? а дитя малого пушать не страшно!..

– Да ты чаво тако гутаришь! – выкрикнул Сеслав и порывисто вухватил соратника за рубаху прям за грудки, яростно дёрнув на себе, отчавось холст издал пронзительный треск, по-видимому, идей-то порвавшись. – Да если б я мог. Я б сам! нешто я Бориньку! нешто!

Он, верно, желал пройтись по уху Гордыни, уж так распалился от гневу, оттово отпустив рубаху, сжал праву руку у дюжий кулак. Лицо Сеслава мгновенно налилось юшкой и обрело багряный цвет, а широкий шрам, пролёгший от левого уголка глаза до верхней губы и вовсе стал червлёным словно пытался воспламенится. Ищё чуток и меж воинами започалась бы свара, тока разом Сом и Былята подскочили к собратьям и принялись их разнимать да увещевать.

Спужавшись, шо из-за негось чичас подерутьси Борилка кинулси к Гордыне, коего обхватив за плечи вудерживал Сом, и расставив широко ручёньки обнял воина. Вон задрал головушку, и, глянув у доброе, светлое ево лико, негромко, сице шоб не слышали полканы, забалкал:

– Дядька Гордыня ненадоть битьси, не надь... Мы ж усе туту-ва беросы, соотчичи мы, братцы! вжесь неть ближее и родней нас! И не надобно, шоб полканы зрели наше несогласие.

Гордыня усё ащё бросающий досадные взгляды на Сеслава, которого удерживал Былята и подскочивший Крас да Орёл, смахнул со своих плеч руки Сома, и, ответив на объятья мальчика не менее крепким пожатием, ласково провёл дланью по светло-пошеничным волосьям Борилки, приглаживая на них пряди да улыбнулси в ответ. Чуть слышимый стук копыт и хруст ломаемых у песок каменьев привлёк внимание беросов и вони абие вскинув очи, вперились у подошедших к ним Раму и надменно кривящего лицо Керу. Урвара прищурил, свои крупны глаза, и, оглядев кажного из беросов, раздражённо спросил:

– Что? Вы так-таки уходите или...

– Мы спускаемси, – не менее сердито откликнулси малец. Он вынырнул из объятий Гордыни, похлопал по руке да не сводя взору с его лица молвил, – ты ж знашь дядька Гордыня, не могём мы днесь отступить. Не могём. У там, позадь нас восталась земля наша бероская, тама народ наш, матушки, братцы, сестрички, – голосок отрока затрепетал сице он волновалси. – И ежели мы стока протопали... потеряли дядек Любина и Щеко, да нешто тяперича, у шаге от меча, струсим? дадим слабину? – Борила смолк и узрел у серо-зелёных глазах воина блеснувши слёзы. Они, у те слёзоньки, казали свои прозрачны бока и тута же пропали, и тады-кась, будто набирающим мощь голосом, мальчуган продолжил так, абы слыхали и Рам, и Кера, и иные полканы, – ни ты, ни я той слабине не подчинимся!.. Ибо для сякого из ны жизнь нашего народа, рода, племени значить больше чем кака та вупасность... Ибо не имею я страха окромя страха за беросов. А посему ты не страшись за мене, лишь крепче... крепче сжимай ужу, спускаючи мене у пропасть. Добре?

Борил закончил балабонить свову реченьку, усё также не сводя взору с узковатого лица Гордыни, цвет кожи какового был не просто смуглым, а машенечко отдавал краснотой, тёмно-пошеничны, влахмоченные волосья воина, неровными волнами лёжали на плечах. Гордыня капельку медлил с ответом, засим сведёны уместе всклокоченны его брови разошлись, тяжко ходящие из стороны у сторону желваки прекратили движение, и вон кивнув отроку, бодро отметил:

– Ладненько Борюша, я тебе удержу. Пушай будеть так як ты бачишь, – и муторно вздохнул.

Мальчуган тяперича выззарилси на стоящего рядом Сома, и просиявши улыбкой, обвёл взглядом усех беросов, да обращаясь к Быляте, пока ищё придерживающего Сеслава, скузал:

– Надоть, я так кумекаю, скинуть сапоги, а ужу к поясу привязать, вон у мене вельми крепкий.

– Опалишь ноги, коли без обуви бушь, – буркнул Сеслав, и, склонив к долу голову, скрыв от усех лицо, не менее надсадно выдохнул. – Сапоги скинь, а я суконки крепенько возле ног шнурками укреплю, абы кожа не обгорела.

– Учё тако мерекашь, а ежели суконки загорятси, – запальчиво произнёс Гордыня. И яристо глянув на Быляту добавил, – нехай луче голоногим будеть, у так може не загориться.

– Ну чаво вы тако оба калякаете, – изрёк Сом и шагнув к Борилке протянул руку да ошупал егойный пояс. – Пушай будеть у сапогах. Эвонто оттуда каки капли вылетают... А обувь она чё, она засега ноги убережёт. А пояс, вон прав, у него крепкий, не порвётси поди... Ну-кась Былята опробуй.

– Оно ж енто, оно ж в сапогах оченно жарко будять, – до зела тихо прогугарил мальчик, ужотко не столько не соглашаясь, сколько желаючи и вовсе увести разговорец у иное, мирное русло.

Обаче мальчика никто не слушал, поелику Былята проверял на нём пояс, Крас сымал с себе котомку и доставал оттедась ужу, а други воины пошли осматривать уступ и найденный Сеславом желобок.

Глава шестая. Индра – лунный, иной Ра

Крепость Борилкиного пояса опробовали усе... не токась Былята, Гордыня и Сеслав, но ано Крас и Орёл. Эвонтов пояс вершка в три у ширшину да не мний маховой сажени у длину, дважды обматывал стан мальчика, завязываясь упереди на мощный узел. Кумачового цвету вон символизировал силу и жизнестойкость, сплётённый из шерстяных нитей заботливой матушкиной рукой, хранил на себе ейну нежность и любовь. Пояс матушка Белуня украсила обережными знаками, кажный из каковых должон был защищать, оберегать её разлюбезного сыночка Борилушку. А поелику глядели оттедась таки символы як: Велесовик – небесный защитный оберег, сберегающий человека от сякого ненастья, кады вон находилси удали, вне дома; Небесная Духовная Сила або Пращур – охранял носящего егось, даруя помочь Предков и самого Рода; Одолень Трава – ограждал от усяких болестей; Род – знак единства прародителей и потомков; Родимич – запасал и пробуждал родову память; Роженица – вышивалси для благополучности ребетёнка; Перунов Цвет – обладал целительными силами; Молвинец – хранил от худогу слову, оговора, изводу; и вестимо Сварожич – помогающий проявить боже-ственну силу при движении по Солнечной торенке. Пояс, як часть одёжы, опоясывая человека сохранял вид коло... вид самого красна солнышка поелику значилси и сам оберегом.

Оставшись довольными поясом отрока воины поскидывали с плечей котомки и снаряжение, сложив усё в одно место, да принялись разматывая ужу, внимательно оглядывать её, шоб, значить, не затаилось на ней какой-нить дранной нити.

Покуда старшие были заняты вервью, Борилка снял с плеч котомку, да лук, пристроил их сторонь других вечей, а сам направилси к пропасти. Вон подошёл к краю, и, вставши на каменной резко обрывающейся меже, посотрел униз. И чичас же душа его тяжко ухнула! да чаво там калякать и похваляться, тяперича, кады никто не мочь увидеть аль услыхать его вздох, Боренька сам себе открылси и первьёл дух. Муторно так всхлипнув и сознавшись, чё ему до зела страшно...

Страшно! Вельми страшно спускаться тудыличи... удол... к возвышению и мечу!..

Токмо о том он не мог не то, шоб казать, вон пужалси каким-никаким мановением руки, али взглядом выдать свои затаённые мысли.

«Боюсь... я дюже боюсь», – прошептал про себе мальчик и резко оглянувшись зекнул очами у старчих, пужаясь чё его могут вуслыхать и не пустить. Борила наново вперилси взглядом у бурлящие огненные реки, пушающиеся махонистые пузыри, бьющие ввысь угловатыми струями и вспомнил ту ночь на Купала... Вон будто возвярнулси у тот миг, кады у ночном гае в наступившей торжественной тишине, нежданно чётко различил уханье неясности, едва слышимое стрекотание сверчка, хруст ломаемой ветки... Ночной ветерок, легохонький и приветливый, донес до него запах леса: сырой, перепревшей листвы; сладких ягодь; свежесть плёска родниковой водицы. Засим мальчик вуслыхал радостны песни жителей деревеньки Купяны: шёпоток гадающих о судьбине крутобёдрых девиц; звонкий смех, налитых силой и молодостью, парней; недовольный плач потревоженных детушок; да глухи удары бубна. Он услышал волю и счастье свово народа, своей зёмли! Ту волю и то счастье, оное како-то зло жёлало вунничтожить, пожрать, погубить. А посем звучный, мужественный глас Крышни произнёс: «Исполнить то, что выпадает на этой стёжке, сможешь лишь ты. Ты не юноша, но уже и не дитя... отрок... Ты пришедший в ночь, на Купала, в лес и нашедший Жар-цвет, имеющий доблестное сердце и храбрую душу можешь вкусить силу Ясуней из рук Бога, и, пройдя той тропой, победить зло!»

«Победить зло!» – вторили словам Бога губы мальчонки.

И припомнились ему ядрёные, покрытые зелёной листвой дубняки, березняки, осиники, рощи, гаи... Хвойные боры пахнувшие живицей... Широки, спокойны реченьки полные

рыбы... И небесна лазурь с летящим у эвонтой дали тёмно-бурым канюком жалобно кричащим точно канюча аль клянъча чавой-то. Хиийэээ... хиийэээ слышитси таковой зов.. И видятся мальчишечке лица: матушки, братцев, сёстричек, сродников, и его, самого меньшого и дорогого Борилке, братика Млада... Младушко... Острой тоской полоснуло сердечко мальчугана, тихонько сице, шоб не услышали, застенала душенька.

– Борюша, ты готов? – поспрашал мальчика, подошедший, Былята и заглянул у лико, ласково проведя дланью по волосам.

Да абие разрушил таки чудны воспоминания, проступающие образы матушки и Младушки. И Борилка тогда подумал, шо ежели вон чичас струхнёт аль не смогёт добыть тот меч... то и впрямь панывичи, идущие на бероские земли и набирающие у свово воинство усё зло и нежить, растопчут, уничтожат не токмо травы, леса, реки и голубое небо. Вони убьют рыбу и того клянъчущего канюка. Вони изничтожат и мать его, и братцев, и сестричек... и его... его – Младушку, коего Борила, скока себе помнил, водил следом, крепко держа за ручонку и сберегаючи от напасти и вупасности.

И тадыка мальчуган вулыбнулси, просиял он тем горящим огнищам рекам, оглядел серебристо взгорье у каковом торчал чудной, спасительный меч, которым билси Асур Индра... которым будять невдолге битси Асур Валу, и, повертавшись к Быляте, звонко отвечивал:

– Да! да, дядька Былята, я готов!

Старшина беросов залощил растрёпанны волосья мальчика, и, отведя егось от краю обрыва, принялся крепить к поясу справа толстый конец ужи, а Сеслав томительно вздыхаючи перьвязал праву длань тонкой полосой оторванной от ручника да молвил:

– Борюша, мы тебе будям спущать по-лягонечку... Ты ж правой ручонкой держись за ужу, абы сподручней було и пояс животь не давил, да к груди не поджимал.

– Будяшь нам вуказывать, ручонку леву уверх держати, – добавил Былята и голос его дрогнул, посему он начал дёргать вервь проверяючи ейну крепость, и туже завязывая на поясе мальчика узел. – Как хватить спускать тебе опустишь руку униз... Коль надоть спешно вытащить уверх вскинешь и помашешь из сторону у сторону. А ежели ищё надоть опущать схватишьси за ужу. Мы будям слёдить сверху... так, шо ты... ты... эвонто...

Былята смолк и тяжёло задышал, опосля унезапно схватил мальчугана за плечи и прижал к себе, словно свово дитя... вложив у тот порыв увесь отцовский страх за жизнь Борилки.

– Дядька Былята, – выныривая из объятий и чувствуя, як зашевелились у очах крупны капли слёзинок, откликнулси мальчонка да порывисто моргнул, изгнав у ту слабость из глаз и души. – Опущать мене надобно как можно ниже... и ежели я руку удол не воупущаю значить ни чё... терплю... усё значить ладно. А тяперича дяржите ужу крепче, оно як мене надоть ищё невзирая ни на чё освободить из полону Валу... у то я ему обещал.

Борила взял вервь у праву руку да вложив у широку пясть Быляты, кивнул ему. И немедля ни мига направилси к краю бездны, остановившись, почитай на рубеже оземи и отвесно уходящей униз стёны... сице, шо носы его сапог вже выглянули за ту кромку и нависли над пропастью, а мальчик почувствовал, аки натянулась справа от негось ужа, потянув за собой пояс. Подошедший к нему Крас, встал подле да глянув у евось лико, обнадеживающе вулыбнулси и прогутарил:

– Я буду за тобой присматривать... И ежели чё не так.

– Ты помнишь, – перьбил парня малец, и зекнул у его голубо-серые очи в оных будто у водице отражались огоньки выбивающихся с под низу рдяных струй. – Кады-то ты мене страшилси пущать у Подземный мир? Обаче я прошёл ту торенку и посему... посему днесь, Крас, живы дядьки Былята, Сом и Гуша. Поелику ноне мы с тобой стоим тут-ва на краю эвонтой бездны. Выходить не зря тадыличи ты мене пустил у тот лаз. Невдолге... невольге я буду сьзнова тут-ва... вы токась спущайте мене ниже, абы полканы, – и Боренька, обернулси, обозрел удерживающих ужу воинов, выстроившихся у рядь: Быляту, Сеслава, Сома, Гордыню и Орла,

а позади них увидал Раму и Керу, кои, по-видимому, жёлая усё сами лицезреть, неторопливо шли в направлении пропасти, пояти чуток правее уступа идеже стояли робятки. – Да, – дополнил отрок и наново выззарилси на Краса, – абы полканы ничаво, ничаво не слышали. Ну, а я тадыкась пойду...

И вяце не балабоня Борюша резво присел на корточки, ухватилси руками за кромку уступа да соскользнул удал, принявшись промеж того правой рукой, обмотанной у ручник, шарить уверху во поисках ужи, а очами неотступно созерцать меч Индры воткнутый почитай до трети у серебряно возвышение. Ярый свет от горящих рек резко вдарил ему у очи, жар пыхнул у лицо, покрыв сверху волосы и вечи крохотной капелью водицы, верно исторгнутой кожей. Ужа слегка съехала униз, а Борила, напоследях нащупавши, ухватилси за верёвку правой рукой, и посем, шоб малешенько ослабить потянувшийся увысь пояс, мгновенно надавивший на рёбра, взялси за неё левой.

– Ну, ты, як? – вскрикнул обеспокоенным гласом Крас.

– Усё, усё ладненько, опускайте мене униз, – успокаиваючи молвил малец и вздев голову выззарилси у лицо парня, голова и ноли до стана тело которого нависало над ним, выглядываючи с под краю уступа.

Крас торопливо кивнул, и поднял увыспрь праву руку, и мальчишечка абие поехал на уже удал... так потихонечку... по капелюшечке... по махонечке... по крупиночке... И эвонтова махоточка, крупиночка, капелюшечка с кажным мигом усё шибче и шибче обдавала с под низу мальчугана жаром, курила у лицо долетающим жгучим паром, ударялась о подошвы сапог бусенками огня отскакивающих от лопнувших огромных бурлящих пузырей и булдырей. Борила впившись в ужу руками, обхватив ейну ребристость перстами, неотрывно глазел на рукоять меча, обдумывая кады ж надоть остановиться и як прогикать у то имя... Имя подсказанное ему самим Асуром Ра. Ведь из того, шо було поведано, спущано по радуге, явствовало, чё имя мечу Индра дал своё. Не то, шоб просто величалси меч – Индрой, а содержал у себе значение имени Бога.

Индра – лунный, иной Ра – утак следовало кликать меч... А значить мальчик был прав, кумекая, шо имечко меча казало о той Лунной торенке, по коей шествовал Бог. Токмо не ведал отрок, шо и само величание Индры вобрало у собе тот овринг. Лунный отличный от Солнечного... иной... другой... Не мудрено, тяперича, шо тако имя меча было никому ни знамо, никому окромя самого Асура и его – вечно зрящего за усем на Бел Свете, солнечным Богом Ра. Ибо усякий воин, взявший творённый меч у руки, нарекал его лишь у присутствии восходящих во небесну твердь золотых волов, влачащих воз с сияющим Ра. Выкликнув у то величание, воин казуя лучам красна солнышка своё орудие, просил от ярого, кипучего и жизнеутверждающего Асура скрепить тайну связь меж человеком и мечом... друзьями, соратниками, соотчиками коими враз они становились.

Покуда Борила занятый теми думками, терпел, отвлекаяючи себе от полымя излетающего из огненной бездны, ужа помалешенько спускала его униз. Жар становилси усё паче невыносимым, а густой, словно марево палящий пар витающий вкруг мальчика, казалось сжимал его у своих пылких объятях. Жгучий воздух проникал у ноздри, давил своей горячностью на грудь. Под рубахой и штанами усё вжесь давно взмокло, удал по коже струились ручьи солёной водицы. Со лба на нос скатывались почти с ноготок капли пота, иноредь они замирали над очами, удерживаясь густыми, чорными бровьми мальчика. Обаче вскоре перьполнив у те волосья своей обильностью, перьпрыгиваючи, стекали дальче, закатываясь у сами очи. Борилка тады ж прерывчато моргал, сгоняя застилающу глаза водицу, стремительно дул себе на нос и уста, идеже на тупом егось кончике и по краю верхней губёнки скапливалась широкими полосами испарина.

Мальчик продолжал крепитси, занеже всяк раз, оторвав взгляд от пляшущих потоков смагло-кумачовых огненных рек выкатывающих свои воды на серебряно возвышение,

и вздевши голову увись, явственно видел, немногось правее от уступа, на каковом возлежал беспокойно глазающий на него Крас, чётко зримые лица Рама и Керы. Полканы внимательно следили за его спуском, склонив низко свои станы над бездной, точно жёлая усё слышать.

Токмо тут-ва, у самой пропасти, гулко бурлящие, пламенеющими, водами реки выпускали из себе пронзительно дребезжащий звук, пыхая булькающими булдырями вони источали резкое шипение и плюханье, а струи огня казалось и вовсе оглушительно свистели, подавляя у той зычностью усё о чём перьговаривались меж собой полканы и широкось раззевая рот гикал Крас.

Неприятный кислый дух стал долетать с под низу и вкупе с жаром не давал возможности вдохнуть по-глубже, отчавось Борила стал дышать порывисто и почасту чрез рот, и вдыхая воздух сквозе небольшую щель, выпускал евось из носу. Мелкие капли, отрывавшиеся от булдырей и поверхности огнища, усё чаще и чаще проносились мимо лица мальчишечки, устремляясь увись. Овые из них опускались на штанины, дырявили тама прорехи, а засим, чрез таки ездовиты места, ныряли унутрь да обжигали кожу ног. Болезненность от у тех ожжённых мест инде перькашивала лицо отрока. У скорести колико проскальзывающих горящих крошек резко возросло... и вони стали приземляться не тока на штанины, но и на рубаху. Они начали цепляться за волосья, которые уначале спуска взмокли, а тяперича, как-то разом, просохнув, наполнились хрустом, будто сушняк подкидываемый у костерок.

А у тама, на рябистой поверхности, огня стали появляться редрые пятна, они словно выныривали из глубин и растекаясь у разны сторонки пущали увиспрь задхлый, закисший дух, отвратительно-удушливый. Выходящие мелко-струйчатые потоки огня, изливаясь плавно и медленно, осыпали окресть себе искры паче крупные чем у те, оные лётели у направлении мальчика. И у то было добре, шо в основном били те потоки позади серебристого бугра, и их струи не доставали до Борилки.

Пристально обзревая пропасть нежданно-негаданно мальчику покумекалось, шо и сами реки точно живо существо, кые также, аки и он, тягостно дышит, то подымаючи увиспрь свои воды, то сызнава опускаючи к долу. Раскатистый треск, гул и нарастающее бречание наполняло усё кругом него, а смешивающееся с чуть ощущаемым гулом прерывистое дрожание ужи мерещелось веянием... духом той приглубой... приглубой бездны. От яркого света и постоянного движения текущей огненной водицы у Борюши закружилась голова, а миг спустя его замутило, хотя последний раз он жамкал днём. Нестерпимый, вжесь почитай неперьюсимый жар обхватил тело мальчугана и мощно сжал так, шо затрещали кости, а ноги у сапогах, кажись, вспламенились... Опосля ж того, кажись, запылала на нём и штаны, и рубаха, и волосья. Торопливо покачав головой, и проморгавши, оно как от того огнища, у очах, засверкали рыжие жернова, отрок опустил леву руку и ощупал себе, проведя дланью и перстами по вещам, лицу и волосьям... вельми горячими, но не горящими.

«Ох!» – успокоительно дохнул Боренька, успокоившись тому чё вон на самом деле не пылаеть.

Одначе стоило ему отпустить левой рукой ужу, як не мешкая движение его у пропасть прекратилось. Мучительно и туго дыша, пропуская ядрёный, затхлый воздух скрез тонку щель обожжённых уст, мальчуган задрал голову и посотрел выспрь. Чрез наверхнувшиеся на иссохшие, от жгучести, очи крупны капли слёз вон узрел блистающее своей белизной ликом Керы, словно ярка пежина, выступающее средь тугой порхающей мары. До Керы было далече... не так вестимо як до меча, но усё ж и не близко... не близко... А посему стоило попробовать призвать меч.

Смрадное полымя, витающее у бездне, наполнило не токмо усю её, оно, сиче пригрелось Борилке, залезло и в него самого. Поелику кады он, наново вперившись очами у меч и протянувши руку удол раскрыл широко пясть, да приотворил рот, оттедасть... изо рта вышло мало облачко серо-жёлтого дыму, а охрипший глас отрока не громко молвил:

– Индра – лунный, иной Ра.

Обжигающий пар заскочил у рот мальчишечки и укусил его за вялый, лениво-ворочающийся язык, облизал рьяной пылкостью горло, и, достав до лёгких, пыхнул у них своим пламенем. От этой резкой боли Борюша на мгновение сомкнул очи и тягостно вздрогнул телом, а пред глазами евойными заплясали у хороводе червлёные лоскутки огнища. Морг спустя, мальчонка вроде як оправилси от боли, отворил сухи глазёнки с опаленными на них ресничками и всмотрелси в возвышение. Одначе, меч оставалси на прежднем месте... вон даже не шелохнулси, васнь не слышал зова отрока.

Широкось растопырив перста на левой руке, и выпустив из правой ужу, мальчуган маленечко перыклонилси, и повиснув на поясе, опустилси ближе к серебристому бугру. Кипящая водица нежданно плесканула поток на возвышение и зычно заурчав, кинула столп пара у лицо мальчика. Такого горячущего, шо кадыкась он окатил Борилку, тому почудилось чё у лико плеснули вар.

– Ы... ы... ы. – Мучительно застенал Боренька и отворив рот громко гикнул, – Индра – лунный, иной Ра!

И абие зримо заколебалси меч. Вон изогнулси у бок, опосля дрогнул, а по его гладкому клинку пробёгла мала така рябь, то... по-видимому, он утак изгибалси, стараясь вырваться из полона, в оном удерживало его серебристое возвышение. От того душного, спёртого воздуха у отрока чавой-то крепко застучало во лбу... засвербило в носу, а посем из правой ноздри выкатилась яркая, жёлтая капля юшки и сорвавшись, полётела униз, будто жаждая попасть на рукоять меча. Но кровь не успев коснуться меча, резко обернулась малешенькой бчёлкой, каковая чичас же взмыла выпсрь, и, зависнув над головой Борилы, тихонько жужжа, принялась тулиться к волосам.

А Борюша унезапно почуял, як затряслось усё его тело от выдыхаемой бездной жарыни, кожа ноли уся покрылась мелкими мурашками и волоски на ней встали дыбом... И токмо зачур, дарёный Валу, крепко прильнув к коже у там, гдесь бьётся сердце, холодило его, да точно сдерживало пронзительно-звонки удары.

Ищё водна капля юшки выкатилась из ноздри и не долетев до рукояти меча совсем немножко, обернулась бчёлкой. Выпорхнувшая с под возвышения малюсенькая горяща брызга молниеносно вдарилась у бчёлку, опалив её своим жаром, и та, будто падуча звезда, впала у пылающие воды. Чавой-то, в там, у реке заскворчало, запыхтело, и, бахнув, выбросило увысь высоко волну, коя накатив на серебристо возвышенье и молниеносно схлынув обратно, воставило на поверхности бугра и на самом клинке меча мельчайши искорки. У те, раскалённы капли яро зашипев, без задержу, словно втянулись унурь серебра и блистающего клинка. А у мальчика вдругорядь пред очами усё заколыхалось, або може у то закачалась гладь огненной водицы. В голове, чтой-то вельми мощно звякнуло... вжесь вроде варган, затрепетавши, выдал низкий чуть глуховатый звук. Засим мальчишечка припомнил бело лицо Керы, со сведёнными уместе тонкими бровьми, и его чуть сиплый с отдышкой голос, кый произнёс: «И запомни Борил, совсем, не важно, ведаешь ли ты имя меча, не важно, сможешь ли удержать. Если в тебе не течёт кровь благородного Асура Индры, меч твоим не станет».

«Юшка!» – эвонто слово, пролетев у егось главе, точно вернуло силы Борилке, и вон проследил взглядом за третьей каплей крови, которая покинув нос, обернувшись бчёлкой, впав униз, погибла у пламени.

Вот оно, шо, дотумкал мальчуган. Усё дельце в крови, в у ней, посему и стремились те капли впасть на меч, верно, ведая, чё тока так могут освободить его из возвышения. Точно у тот серебристый бугор выпустит из себе клинок, лишь тады, внегда меч убедитьси, шо за ним явилси потомок Индры... тот у каковом течёт, усё ищё течёт евойна юшка.

И не мешкаючи отрок сызнава ухватилси правой рукой за вервь, подтянул себе уверх и вскинув леву также взялси за ужу, повелевая беросам спущать его ниже. Прошёл лишь

морг... у тако мало времечко... и Боренька вдругорядь поехал удал. Напрягаючись из последних сил, вон крепилси, чуя просто невыносимый, будто объявший пламенем сапоги, жар таковой, шо перьстались ощущаться ноги. Спустившись немноженько униз, и вжесь невмочь терпеть мальчик скинул с верёвки леву руку, и погодя, кадысь движение прекратилось, отпустил ужу и правой. Вон вновь изогнулси и повиснув на поясе, исклонившись улево, протянул к колеблющемуся мечу леву руку да на чуть-чуть замер. Из носа, прям, единожды, с обеих ноздрей, неторопливо выкатились крупны, жёлты капли юшки. Они, на сиг задержавшись, повисли на вздёрнутой верхней губёнке отрока, медленно, точно набухши почки, качнулись, да, напоследях, сорвавшись, стремительно полётели к мечу.

И Борила следя взором за у теми капельками, утретий раз зычно кликнул: «Индра – лунный, иной Ра!»

Да чичас же захлебнулси вдарившим у рот, нос и глаза накалённым паром, от коего мальчика нежданно закачало из стороны у сторону. Капли юшки, меж тем, долетев до возвышения приземлились на егойну серебристу поверхность и в виде малюсеньких голышей, у которые обернулись, скатились по у той залащенности к огненным водам. Водна ж из у тех крох крови впала на саму рукоять, верней, на грибовидное навершие у каковом лучисто пылал алый яхонт.

Жёлта капелька притулилась, прям, на грань эвонтого яхонта и словно робея... вяло потекла по рукояти к массивному перькрестию. Ащё мгновение и юшка вроде як впиталась у рукоять, поглощённая им.

И тогды меч, судя по сему, жаждая, али ожидая у той крови, перьстал трепыхаться, вон застыл, а засим удруг светозарно вспыхнул каким-то ярко рдяным с фиолетовым отливом цветом. Он засиял тем светом, а вжесь чрез сиг потух... И абие послышалси раскатистый грохот, и показалось висящему на уже у приглубой пропасти Бореньке, шо заходила ходором уся бездна, вздыбились, вспенились у ней огненны воды, зашатались и сами стены, а серебристо возвышение дрожмя задрожав махом ушло униз у горящи реки, аль может у то лишь воды нахлынули на него. Борила, глаза которого от иссушающего жара наполнились слезьми, не смог то разобрать. Обаче он явственно увидал, як нежданно меч Бога изогнулси почитай, шо дугой, и резко дёрнувшись мгновенно подалси выспрь, бабахнувшись своей холодной, точно лдяной рукоятью об длань мальчонки, на крохотку прильнув к ней. От сей унезапности мальчуган ажно расстерялси и тяжело вздрогнул, отчавось сызнава закачалась ужа, а вкупе с ней и он... тудысь... сюдысь... одначе, меч усё ж дотюмкал схватить, прижав его могутну рукоять перстами к пясти.

Немедля ни мига, Борилка поднял праву руку увысь и взялси за вервь, подтянул тако уставше, разгорячённо тело и голову, и тады ж победоносно вздел столь веский и желанный меч вверх. Меч свово предка... кровь оного до сих пор струилась по егойным жилам. Да, взмахнувши им из стороны у сторону указал воинам вытаскивать себе из бездны.

Глава седьмая. Сварожичи и Дьевичи

Борюша так долзе спускалси униз у пропасть за мечом, чё ему почудилось, прошло немало времечко... может вже даже ночь и день... Обаче тудыличи навёрх вон кажись взлетел, словно не успел толком-то и моргнуть. Ищё маленько и он увидал над собой округлый уступ, ощутил як его праву рученьку крепко ухватили руки Краса и Сеслава, и резво вытянув на землю, положили егось на неё сначала на грудь, а опосля обхватив за плечи, поставили на ноги. Абы не поранить соратников, Борила, благоразумно, ащё находясь висящим у пропасти, опустил униз руку с мечом. Днесь, очутившись на ногах на плотной оземи, он сызнава вздел руку, сжимающую меч, ввысь, и, шагнув уперёд, несильно потряс им. А мала бчёлка... та сама, она выжила и покудова тулилась к волосьям отрока, враз, стоило ему покинуть огненну пропасть, воспоривши выспрь, упорхнула кудый-то.

И тогды... тогды малец приметил, шо небосвод озарилси почти багряными лучами выходящего красна солнышка. Ночь вжесь совсем иссякла, истаяв и потеряв усю чернь неба... започалси новый день. Махонистой полосой от золотых волов, тянувших воз с высившимся на нём Ра, в сторону мальчика, впал редрый покрытый малешенькими, васнь просо, яхонтовыми капельками луч. Спервоначалу он коснулси лишь острия поднятого вверх меча и тот вроде как ожил, закачалси, задрожал, а засим стал и вовсе извиваться, точно был змеюкой, наклоняясь уперёд и назад.

Луч же медленно тронулси униз, пройдясь по клинку, рукояти меча, он скользнул по поднятой левой руке мальчонки, и, добравшись до евойной главы мигом покрыл и её, и одёжу, и кожу алым сиянием при том осыпав усё свёрху яхонтовыми крохами. Меч тады ж, выгнув клинок у середине, образовал дивную радугу и коснувшись волосьев мальчика чуть слышно тенькнул... тихо сице... як звякають у битве друг о дружку шляки:

– Моё имя Индра – лунный, иной Ра твое имя Борил – борющийся отныне и до скончания веков мы с тобой едины, мы с тобой соратники, соотчичи, собратья! Мы с тобой други! твоё повеление – моё повеление! твой враг – мой враг! твой друг – мой друг!...

И тут же меч разогнулси, выпрямившись у клинке, пронзительно издав дребезжание и задрожал так, шо сообща с ним затряслась рука отрока, а посем и усё его тело. Ноги Борила подогнулись у коленях, а пред очами пролётели каки-то золотые капли додолы, та мельчайша мга, точно выпорхнувшая из холодногу тумана, без задержу, осыпалась на мальчика и тадыличи, энтов широкий, луч будто б запел сам. Таку неясну, едва различимую мелодию, у каковой разом перьплелось дуновение ветра, шёлест листвы, журчание крыницы и грустны напевы бероской кугиклы. Ужесь и непонятно, як долзе звучала та погудка... Когда же она смолка, ноги Бореньки перьстали подгибаться, тело и руки обрели силу, а меч стал легче, ищё немножко энтов яхонтовый луч освещал свой яркостью и мальчика, и торенку прочерченную от Ра до оземи. А малость опосля и увесь Бел Свет осенилси поднявшимся на небесный купол красным солнышком.

Отрок мотнул головой, его долги волосья заколыхались у лучах небесного светила и вон глянув уперёд узрел стоявших недалече Быляту, Сома, Гордыню и Орла усё ащё сжимающих ужу, будто страшась выпустить её, а с ней верно и дорогого сердцу Борюшеньку. Каждый из воинов широкось ослабившись, вулыбалси, их светлы, чисты лица были вусыпанны моросейкой пота.

Борилка повел головой улево и увидал отошедших от краю провала, находящихся у нескольких шагах от него, полканов: каурого сжимающего у руках усё доколь горящий светоч, Рама и Керу, усех у них были встревоженны лица, а карие очи в упор сотрели на мальчика. И Борила ащё раз встряхнул поднятым увьспрь мечом и вобращаясь к старшим полканам громко молвил:

– Я добыл меч мово предка Асура Индры! Ты, урвара, гутарил мене, шо Индра повелел полканам вступить у воинство тогось, кто явившись сюды, к граду Таранцу, сможет достать евойный меч. Ибо никому, окромя потомка Индры, эвонтов меч не подчиниться, ни для кого, окромя потомка, возвышение не отворитси. Сотри, меч у моих руках... вот он! – и мальчик сызнава потряс им, и уразны стороны отлетели от сияющего великого клинка, выкованного самим Сварогом, ярчайшие лучи переливающегося на солнце света. – А посему я, потомок Индры, зову вас! Вас, велики воины, славны храбрецы из роду Бога Китовраса следовать за мной, шоб вступив у рать Добра дать бой воинству Зла, оно вядут у бероски земли панывичи! Я призываю вас у эвонту рать!

Недовольно и ураз испуганно зекнул глазами у направлении мальчугана Кера, вспыхнул у карих его очах нехороший... недобрый огонёк. Вдругорядь покрылось усё лицо морщинами, разрубившими щёки на несколько частей да превратив евось из красавца в страхолюдину, вон токмо крепче сжал рот, может страшась пробачить чё ни-ть не то. Заходили ходорком на щёках евойных выпуклые желваки, окрасившие кожу у плавый цвет... и почудилось Борилке, у то вовсе и не лицо, а невысоки взгорья, колеблющиеся от сёрдитой тряски Озема. Урвара медлил с ответом, он точно не жёлал уступать зову мальчику, и у то ж времечко вельми страшилси того, чё ужось не можно було изменить. Чувствуя у ту неприязненность, сквозившую в облике Керы, ощущая струящийся от него страх, да, жёлая прервать таку неприятну тишину, отрок произнёс:

– Чаво вы немотствуете, полканы? – и обвёл взглядом стоящих у рядье потомков Китовраса, держащих горящие аль потухши светочи у руках, и вудивлённо воззрившихся на него. – Або не жёлаете слухать закон воставленный вам Индрой, не жёлаете ему повиноваться! Або може вы просто не хозявы свому слову, може просто трусы?

Тихое, продолжительное шиканье прокатилось мгновенно по рядью полканов и вони нарушив созданный ими строй, порывисто шагнули впредь, швырнув себе под ноги светочи, гневливо вздрогнули их могутны руки, перькинувшие дубины и копыя из левых у правы. Полканы сподняли ввысь своё оружие и трянули им у сторону мальчика. Борилка же узрев у то сёрдито мановение, и усё ащё являя острие меча небесам да красну солнцу, отвёл у бочину привязанную к поясу ужу. А посем направил свову неторопливу поступь к ярившимся гневом полканам, и обозреваючи их купавые, мужественны лица, вжесь не менее зычно кликнул:

– И чавось? Чавось? Вижу, вижу я ваши лика... Лика храбрецов!.. Вижу, вижу дюжие дубины, острые копыя, крепки луки!.. Воины! Воины стоять предо мной! Мной потомком Бога Индры, держащим у руках его зачурованный, кованный самим Сварогом меч! Поелику зову я вас в свову рать – рать Добра и Света! Чаво... чаво вы мене на то молвите? – поспрашал мальчонка, почитай, шо подойдя к самому скопищу полканов.

– Ты ступаешь по Солнечному оврингу, – напоследях вступил у говорок Рам, – а мы по Лунному.

– Да, по Солнечному, – откликнулси малец и резко повертавшись, посотрел на стоящего позадь него темника. – Обаче я потомок того, кто вучил вас итить по Лунной торенке...

– Наш Бог Дый, – принялси толковать Рам, и сделал несколько шагов навстречу к мальчику. – Асур ночного, звёздного неба. Отец Богов и людей, правитель Поселенной. Он сохраняет жизненную силу Богини Мать-Сыра-Земли... Он считается хранителем мудрости и покровителем Светлой Нави ф... р... р.

– Дый... Дый черпает свову силу из недр Мать-Земли, – нежданно пришёл у помочь Борилке, Былята, и, выпустив из руки ужу, приблизилси к отроку, да чичас же и други беросы приступили к нему, окружив со усех сторон. А старшина воинов меж тем продолжил, – и вона... та сила не така светла, як сила Сварога и Сварожичей... Но кадысь Пан задумал тёмны дела, и похитил деток и внуков Коровы Земун не кто иной як Индра, быкоподобный, пришёл у помочь к сынам Сварога... Ибо Лунный овринг и Солнечный хоть и отличны друг

от дружки... иначе вони засегад вкупе противостоят пути ЧерноБоже. От и днесь, Асуры при-
слали к вам Борила, оный хоть и шествует по Солнечной торенке промеж того нясётъ у собе
юшку Лунного овринга. Вон, у такой малый отрок... зовётъ вас вступить у его рать воставшу
супротив зла... Зла самого ЧерноБоже. Вжесь и сам Индра повелел вам итить за его потомков,
не гутаря о том какового вон овринга движенья. Разве могёте вы попуцай того нарушить волю
Бога свово.

– Техли Рам прав, – резво вступил у бачинья Кера. На его расправились морщинки и он
торопливо прокалякал, – ежели б отрок был нашей веры, мы пошли бы за ним. А так как
он Сварожич, – урвара на миг смолк, и глубоко вздохнув будто собиралси нырнуть под воду,
дрогнувшим гласом изрёк, – мы... мы откажем в помощи.

– Однакосъ я все же смогу пособить вам, – кинув затаенный взгляд у сторону урвара,
и скривив свои уста, отметил Рам. – Я могу пособить вам... ежели... ежели...

Борила вуставши удерживать поднятый квёрху меч опустил его, уткнув закруглённый
кончик у каменисту оземь, да посотрел на неотрывно следящего за движением клинка, темника
и спросил:

– Чаво ежели?

Темник протянул праву руку уперёд, и, направив свой долгий вуказательный перст
на меч, отвечивал:

– Коли, ты, Борил отдашь мне меч. Тогды я призову верных мне полканов и вступлю
в твою рать. Все равно этим мечом ты биться не сможешь.

– Эвонтому мечу вжесь предназначен витязь, – отрицательно качнув головой, не мешкая
пробалабонил малец. – И то не ты Рам, оно як тебе не удастьси справиться с мячом... Ты
не Асур, ты токмо полкан.

– И кто? кто тот витязь коему ты передашь во владение меч нашего Бога ф... р... р? –
взвизгнувшим голосом выкликнул тот спрос Кера и испуганно зекнул очами у чуть перьли-
вающееся сияние шляка.

– Тобе Кера у то и вовсе не зачем ведать, – усмехаясь, молвил Борила и правой рукой
вубрал с лица прилетевши туды и наново ставши мягенькими волосья. – Мячом отныне
и до веку владеть буду я... Там гутарил мене меч, так порядил Асур Ра. А биться на нём будять
великий витязь, Асур... тот каковой захочить помочь мому народу, каковой вступить у рать
и подётъ защищать Добро супротив Зла! Вон, витязь, Асур! Но не вы, кои не хотите сдержать
слова, кои нарушаете оставленный вам закон, и стоите туто-ва точно на торжище да торгуетесь
со мной!

– Я пойду с тобой отрок, потомок великого Индры, – вмешалси у беседу каурый полкан,
тот который стоял позади Керы и Рама, и тяперича неторопливо шагнул впредь. – Я не нарушу
веления моего Бога и твоего предка! – звонко гикнул вон.

– Смолкни, Каси! – гневливо произнёс урвара и повертав голову в сторону каурого,
встряхнул у егось направлении своим посохом. – Не вмешивайся...

Каурый полкан, названный урваром Каси, был вельми схож обликом с Рамой, вон имел
такое же узкое лико, карие очи, маленько горбатенький нос, придающий ему мужествен-
ность, тонкие алые губы и один-в-один як у темника, острый длинный, раздвоенный на конце
подбородок. Вжесь токмо был Каси моложавее Рама, и евойное хупавое лицо не бороздили
морщины, а цвет шерсти у него гляделси много бледней, чем у темника, почитай шо светло-
гнедой, при ентом волосы и кожа также смотрелись рыжевато-бурыми и блёкло-смуглой. Обря-
женный у голубу рубаху, по груди которой пролежала широка цепь с двумя смарагдовыми кам-
нями, немногось поменьше видом чем у Рама, вон казалси усё ж вяще важным чем иные пол-
каны, обаче, при том исполнял указания темника и урвара. Днесь вон забыл свово подчинение
и гневливо зыркнув лучистостью очей у Керу, да перьбив его на полуслове, сказал мелодичным
и выразительным голосом:

– Не смыкай мне уста урвара, не смей ф... р... р...! Мой род не менее знатен, чем твой, не менее богат, чем твой... А посему твоё болярство не даёт тебе право, мне служилу, запрещать гутарить. Не даёт право повелевать мной и тем паче моей душой... А посем, – Каси резко бросил светоч на оземь, ноли себе под ноги и перькинув из левой руки у праву мощно копьё, усем своим обликом намекая Кере, шо вон не страшитси того. – Ты всё равно урвара в бой не пойдёшь, ты как завсегда отсидишься в ложнице аль повалуше. Посему не смей указывать воинам! Пущай полканы сами решат вступать им в рать мальчика, бероса, величаемого Борил, потомка нашего Бога Индры! Потомка самого Асура Дыя!

И Каси перьступив чрез брошенный на землицу светоч тронулси с места, величественно выгнув спину и пройдя меже стоявших Рама и Кера. Вон подошёл к мальцу и егось путникам, да повертавшись, остановилси осторонь, а посем поднял высоко своё копьё, мечевидный наконецник которого яро блеснул серебристым светом, и зычно гикнул, обращаясь к иным полканам на своём языке:

– Аграб ахк, рага йчур раганир днитих ренакиб! Борил дайпнур хар Дев Индры! Вар халпур Асура! – Каси прервал своу молвь и обвёл взглядом безмолвно застывших полканов, а опосля закалякал вжесь по-бероски, – Борил, потомок Бога Индры. Поелику он добыл меч ф... р... р...! В нем струиться кровь наших Асуров, великих и светлых, по пути каковых мы шествуем! Индра заповедовал нашим предкам вступить в воинство его наследника! Вы, други мои, воины великой рати Дыя и Индры, потомки Бога Китовраса ужоль убоитесь битвы на кою вас кличуть, ужоль предадите память предков, отвернувшись от лика Асура?

– Нет! Рмага! Нет! Рмага ф... р... р...! – мешая бероски и полкански слова загамили потомки Китовраса, и больша часть из них як и Каси вскинули увыспрь копьё да комлясты дубины и потрясли ими, верно втак выражая свово согласие с его реченькой.

– Тогда, нонече... тут же... ф... р... р... – кликнул набирающим мощь гласом Каси, стараясь перькричать возникший шум... и грай полканов. – Те из вас кто пойдёт вслед за мной... Мной потомком первого сына Бога мудрости и волшебства Китовраса, речённого Вада, что значит дарованное законом начало, выступайте впредь и клятвенно обещайте, призвав гласно и торжественно наших Богов в созерцателей, следовать за князем Борилой у дальний овринг с его ратью... И биться со Злом опустошающим Бел Свет покуда стучат в нашей груди сердца и течёт в жилах алая кровь!

Каси выкрикнул тот говорок, и, содеяв несколько широких шагов уперёд, торопливо развернулси, вставши супротив отрока и ужотко собралси, по-видимому, опуститься на водно колено, кадыкась нежданно увесь витающий окресть тех земель гвалт да гомон накрыл зычный, могутный глас Рама. Темник весьма громогласно гикнул так, шо вокруг него разлетелси пронзительный покрик перьмешанный с лошадиным храпом... И немедля усё разом стихло... в испуге смолкли и оцепенели полканы не токмо те каковые жёлали принести клятву Бориле, обаче и те каковые сумлевались.

– Аграб ахк! – прогамил Рам и торопливо направил своу поступь к мальчику, да минуя каурого полкана, положил ему на плечо леву руку и крепко его сжав, удержал от поклона. – Аграб ахк! – ищё раз гикнул вон, и наступило отишие...

Така тишь, шо мальчуган вуслыхал, як под копытами шагающего темника захрустел раздавленный изъеденный щедринками камушок бурого цвета, а из приглубой бездны долётел шипящий звук лопнувшего огненного булдыря аль пузыря. Рам вжесь остановившись, поднял увысь праву руку и призываючи ко вниманию, продолжил:

– Намад! Намад Каси! Намад кумар ахки! Мы обязаны подчиниться повелению бероского отрока, наследника Бога Индры и как правильно заметил мой сын Каси, нашему княже! Ибо каждый из полканов знает ту, другу часть повеления Асура, каковая гласит. – Темник глянул прямо у зелёные с карими брызгами очи мальчишечки и заискивающе расплывшись у улыбке,

добавил, – потомок, оный добыв меч докажет свою связь с Индрой будет наречён князем града Таранца. И тогда он сможет повелевать съсловиями, властвуя и указывая полканам.

– Обаче я, – хотел было отнетаться Борилка, не желаячи стать каким-то князем эвонтих, схожих с торгашами, полканов.

Токмо Былята дёрнул мальчика за рукав рубахи и склонившись к самому уху, негромко балякнул:

– Борюша погоду, погоду покедова... Изволь им усё пояснить. – И засим ужесь паче зычно обращаясь к темнику, скузал, – эвонто я так кумекаю Рам, шо Борил будять над вами властвовать? И тадысь, внегода победить Зло должен, судя по сему, возвратнуться вон у ваши земли и стать вашим правителем, жить значить должен меж вас.

– Жить, повелевать, быть нашим князем... Так как когды-то желал для своего сына Велеба, Асур Индра, – кивнув, дополнил своу реченьку Рам.

«Жить... повелевать...» – промелькнули у разгоряченной, от огненного жару, главе мальчугана таки страшны слова... И Боренька тягостно вздрогнул, затряслось его тело, кожа почи-тай уся покрылась мелкими мурашками и волоски на ней встали дыбом, словно наново вон нырнул у ту горящу пропасть. Осе оно оказываитси чаво удумал Индра. Не разыскав своу сына, заповедовал Асур эвонтов град своему потомку. Надеясь, шо када-нить... ктой-нить из его наследников изменит Сварожичам... Изменит Солнечной торенке... И ради того довольству жизти, богатству и власти двинетси по иному, отличному от Солнечного – по Лунному оврингу.

И мальчик задумалси, может потому и был избран у ту дальню дороженьку вон... вон... ащё не вьюноша, но уже и не дитя. Вон отрок, каковой по младости своих лет не пожелаеть у той непонятной власти, мудрённого богатству и чудного довольству жизнью. А Боренька, он не захочеть... не захочеть уйтить кудый-то далече, воставив своих сродников, своу матушку, братцев и Младушку, ради у тех замысловатых мечтаний. Вже очень любить малец, свои раздольны земли, полные всякой живности, поросшие лесами, травами и цветами, со струящимися реками, реченьками, родничками, ручейками и крыницами. Не пожелаеть вон перейти на иную торенку, отказавшись от Солнечного пути такого понятного, наполненного простотой жизти, любовью, трудом и волей дарованной Вышней да Крышней. Оно и пришёл то сюды он лишь за одним, за ентим мечом и полкаными, кые вступив у его рать должны были помочь изгнать Зло с земель беросов.

«Эт, Индра нарочно тако удумал про княжа», – помыслил про себе мальчуган и повертав голову узрел у высокой небесной лазури красно солнышко.

Он узрел его, впечатляющего своей могучностью Асура Ра, величание оного применялось у многих речениях беросами... Ужотко и само слово рать, у которую нонече мальчик звал полканов, вело название от того Бога и значило утверждающий сотворённое солнцем, оно занеже як идущие у рати шествует также по Солнечному пути.

Полыхающий лучистым, жёлтым светом Ра стоял на возу крепко сжимаючи златы поводья у руках. У тот солнечный воз с четырьмя мельничными жёрновами заместо колёс, да высокими бортами, украшёнными сказочными рязными изображениями земель, гор, рек и озёр Бел Света, яро сиял жёлто-редрым светом. Медленно, будто вяло, тянули егось четыре огромных пыхающих златым светом вола, каковые несли на себе ражие, чуток загнуты назад, длинны рога. Сам же Ра, был до зела купавый, лёгкое одеяние, окутывало евойно мощное, крепкое уже не младое, но усё ищё сильное тело. Почасту встряхивал златыми кудрями волосьев Асур, и тадысь позадь его главы светозарно загораясь, расплёскивала вкруг него, сверкание восьми-конечна звёзда, точно свёрху описанная солнечным колом. Тёмно-синие очи вупор сотрели на мальчишечку, а нежны уста ласковенько ему вулыбались... ему... такому простому бероскому Борилке... И тогда мальчик молвил усем ентим, ожидающим его говорка, колеблющимся, аль торгующимся полканам:

– Люблю я... Вельми люблю нашу волю, люблю раздольны бероски земли, могучи леса и просторны пожни... Люблю я матушку, сестричек и братцев, посему я и прибыл сюды. Не испугалси ни дальних земель, ни нежити, ни Цмока, ни вэнтной приглубой пропасти, каковая пыхала мене у лико жарыню. Поелику пришёл я к вам не за правлением, богатством и властью, а шоб добыть меч, собрать рать и изгнать из земель Бел Света Зло. А ежели вы не жёлаете итить за мной тако у то ваш выбор. Сядите туто-ва у энтих горах и грызитесь за свово княжение. – Отрок смолк и первьёл взор с красна солнышка, обозреваючи стоящих полканов, восстанавливаясь глазами на лицах ближайших из них, а опосля произнёс, – кто из вас пожелает пойтить... Пущай идёт, а кто нет!.. Сице то на вашей совести. Одначе токмо осе чё я прогутарю. Може то Зло, шо чичас подступает к беросам тако огромно, и тако ражее и коли мы не объединим силы усе! усе мы: люди, духи, полканы, Асуры... И усе не выступим водним махом супротив них. Може энто Зло невдолге победив беросов явитси и к вам, в ваши земли... Захватить воно ваш град Таранец, погубить ваши жизти и жизти ваших матерей, сестричек, братцев, ребятишек, – Борюша на малеша смолк и тягостно вздохнул, сердце евойно шибко сжалось у груди, помыслив о той бёдушке коя грозить родной землице. И дополнил своу молвь, – и тады... тады вы поймёте. Чё ваш – Лунный овринг, и наю – Солнечный... они разные... отличные друг от дружки, и судя по сему, никадысь вони не потопокут у одном направлении. Но вегда против ны идёт путь Чорный, путь ЧерноБоже, мы – Сварожичи и вы – Дыевичи должны усяки распри и споры выкинуть упрочь. И итить у сечу сообща... у единой рати. Тем пачи, я хоть и двигаюсь по Солнечному оврингу, обаче капля юшки у мне, у та сама капля, она освободила меч из возвышения, есть кровь ваших Асуров. Богов Индры и Дыя... А тяперича я усё прокалякал, и не чаво мене добавить, оно днесь вам решать як поступать.

Борилка вызарилси у лико Рама, от которого нынче, верно, усё и зависело, и узрел аки на лбу егось изогнулась дугой, так схожей с радугой по оной прислал подсказку Асур Ра, глубока морщина. Приподнялся выспрь, почти к корням волосьев, серебристый, вузкий снурок. Дрогнули на лице темника желваки, и кажись качнулси его малешенько горбатенький нос. А сиг спустя заколыхались долги коричны волосья и эвонто трепетание пробегло по сему телу так, шо заволновалась и сама шёрсть на теле жеребца, так, шо вздрогнул и мощный лук, висящий на левом плече. Ужесь було не ясно о чём таком тюмкал темник, одначе померещилось мальцу, шо речь его смутила Рама и тому будто стало стыдно, зазорно пред воинами-полканами чё вон вядёт себе сувсем не як витязь – смелый и храбрый, а як офеня – бродячий торгаш жаждущий поскорей сбыть усю залежь.

Неторопливо опустилси темник пред мальчиком на одно колено согнувши праву ногу у нём, а леву выпрямив уперёд, и низко склонив человеческий стан, раскатисто-гулким гласом кликнул:

– Княже Борил, сын Белуни и Воила, наследник повелителя Таранца Велеба, потомок быкоподобного Асура Индры, прими от меня клятву верности, каковую я! темник и глава воинства полканов Рам из рода первого сына, Бога мудрости и волшебства Китовраса, речённого Вада, приношу тебе! Даю зарок – вступить и привести у твою рать положенных моему слову полканов! Даю зарок – по первому твоему указанию идти у дальни бероские земли, чтоб вести битву с воинством Зла, которое из века в век является ворогом Сварожичей и Дыевичей! Да будет клятва моя нерушима, и слово крепко как Священная Мер Гора на кый лежит Бел-Горюч камень Алатырь, хранящий в себе начертанные у начале Бел Света, перстом Сварога, руны-законы огненные.

Токмо закончил свой говорок Рам, как незамедлительно и други полканы, окромя урвара, опустилиси на водно колено и повторили слова клятвы свово темника, главы воинства, громко и торжественно. Право молвить, не усе гутарили ту молвь на бероском, овые бачили на полканском... може им так було сподручней... кто ж то знает.

И як токась усе полканы смолкли, а Кера отворил рот, верно, калякать чё-нить не нужное, оно как лико егось опять було исполосовано морщинами, чем вон напомнил Борюше препротивну Ворогуху. Мальчуган, сжав меч обеими дланями рук, резко поднял ево выспрь, да сам не ожидаючи от себе эвонтих речений, изрёк:

– Да, будеть так як вы бачите! Укрепляю ваши клятвы, энтим волшебным клинком, выкованным самим Сварогом, великим Асуром, владыкой Поселенной, ПраБогом и родоначальником усах светлых Богов, Асуров, Ясуней!

Нежданно возле лица Борилки пронёсси тёплый порыв ветру, и отрок, без задержу, узнал у нём Асура Догоду. Тот на крохотку обмер осторонь поднятого меча, широкось просиял мальчонке, а засим сбросил с полупрозрачной пясти на серебристый клинок меча, прям на егось чуть закруглённое остриё, таку маненькую капельку, точно червлённого яхонта. Она, впад туды, немножечко недвижно покоилась тама, а опосля подалась управо да улево, растеклась по клинку, да сице махонисто, шо окрасила его увесь в червлённость с марным отливом. А Догода кивнувши, мгновенно пропал с глаз мальчика.

Ищё морг меч бул точно обмершим, а посем унезапно лучисто вспыхнул, увесь золото-чермным светом и вдарил тем сиянием полканов прям у очи. Борилка промеж того увидал увеси поместившихся, по четыре от себе стороны, незримых для иных, старших сынов СтриБога. Асура Позвизда Зимнего ветра, кружалок, метелей с серым ликом и кудластыми бровями, долгими волосьями да таковой же брадой и усами. Бога Провея того, шо Осенним ветром кличуть, предка летаглов, вжесь увитого бурыми волосами ей-ей жидкими, свёрху припорошенными пожухлой листвою. С висевшими, на его почитай коричных вусах и бородушке, мелкой мгой и тёмно-карими очами, глазеющими на мальчишечку по-доброму и как-то до зела печально. Асур бул обряжен у плавые долги одёжи, струящиеся васнь дождевы потоки. Подагу, Асура Весеннего ветра, видом маленько постарше Догоды, вулыбчивого, со смеющимися небесными очами, увитого белокурыми, кудрявыми волосьями, бородой и усами у каких мельтешили маленьки таки листочки берёзонки, облачённого у чуть зримое бело-жёлто одеяние, да с крупными, округлыми крылами прозрачно-зекрого цвету выглядывающими из-за спины. И вестимо его, старого знакомца мальчугана, Догоду, Бога Летнего ветра молодого и сильного, с ковыльного цвета, волосами, коротой, не густой бородой да редкими вусами, плетённым из васильков веночком пристроенном на голове, одетого у голубо-прозрачну одёжу.

Асуры, старши сынки СтриБога, вперились на отрока и Борилка смекнул, шо набрав у рот воздух вони усе разом подули на остриё меча. И тады ж разлетающеся от их дыхания сияние накрыло своим полыханием усах полканов, осыпав на тела, шерсть, волоса и одёжу прозрачны капли додолы Подаги, плотны туманы Провея, бусенцы снега Позвизда и крупны росинки Догоды. Мгновенно перьмешалось у то дуновение Асуров с блистанием света и Боренька узрел, аки пужливо дрогнуло лицо урвара, разгладились на нём морщинки и вон торопливо согнув у колене ногу склонилси пред мальчиком. И тадыличи усе ветры вулыбнулись, и ано Позвизд. Они взмахнули полами своих одежд, прикрытых космами волосьев, брады и вусов ретиво подались у небесну лазурь и сызнава обдав додолой, туманами, снежинками и росинками, то прохладными, то сырными, то лдяными, то тёплами находящихся под ними людей и полканов улетели, исчезнув даже для мальчика.

От вэного брошенного у полканов ветрами паморока пригнулись усе, а урвара вроде как задрожал, опосля его качнуло туды-сюды, будто вон намеревалси впасть, обаче вудержавшись, Кера лишь шибче пригнул к оземи свой человечесий стан.

Борюша ащё како-то времечко оглядывал небесну даль, иде так скоро скрылись ветры, засега поддерживающие Сварожичей, а посем обозрел подымающихся на ноги полканов, обернулси, вылупилси у стоящих подле него путников и вопустив к землице свой зачурованный меч, пожав плечьями, поспрашал:

– Дядька Былята, а я чёй-то не уразумел, а идеже наю Гуша?

Глава восьмая. Назад за Гушей, уперёд к Таранцу

– Вжесь и взаправду, молвить, иде наш Гуша? – перьспросил Былята верно вопрошая то у соратников и принялся озираться.

Занятые спуском и поднятием у пропасть Борюши, да спором с полканами странники и не заметили отсутствия шишуги. И днесь оглядываючись, беспомощно пожимая плечьми, сразу-то и не смогли припомнить кадысь последний раз зрели Гушу и идеже его потеряли... да и вообще прибыл ли Гуша к краю бездны, або усё ж затерялся в ночи.

– Не-а, похож не прибыл, – отрицательно покачав головой, закалякал Орёл. – Я ж скакал на полкане узади сех и видал, покудова не запало красно солнышко, вон бёжал позадь нас. Прытко вутак сигал, почитай, шо не отставал... А кадыличи Ра ушёл на покой, покинув под-небесье, ужотко он паче не казалси.

– Судя по сему, вон потерялся у той тьме, – помыслил Сеслав и утёр свой лоб, покрытый бусенцами водицы, может посеянной сынками СтриБога. – Прядётси возвращаться за ним, нешто егось можно у там водного кинуть.

Полканы поднявщиеся с колен, на ту пору тихонько перьговариваясь меж собой, удивленно зырялись на Борила, а мальчик як и всяк иной, ей-ей, мальчонка, обрадовавшись, шо усё сице благополучно разрешилось, стал беспокоиться чичас токмо о потеряном идей-то друге.

– Может стоять завернуть меч у охабень, – предложил Крас и посотрел на крепко сжимаемый у руках мальчишечки меч Индры, уткнувший востриём у землю, да принялся отвязывать от пояса Борилы ужу и сматывать её у клубок.

– Оно у то Крас истинну бачит, – согласилси Гордыня и без задержу направилси к вечам сложенным недалече вкупе, абы достать охабень.

Когда вон возвернулси, неся у руках охабень и встряхнувши им, пристроил, расстеливши, егось на оземе, то Борилка бережно, словно каку велику ценность возложил меч Индры, а верней балякать свой меч на него свёрху.

Меч и упрямя сотрелси богатырским... Вон был вяще долгим, чем бероские и достигал у длину не меньше трёх с половиной локтей, и на его ширшину приходилось вершка два с половиной, а то и усе три. Сам клинок плавно сужалси к острию. Ужо эвонто добре, шо Борюша был крепкого сложения, а то б не смог вудержать его у руках. Посредине шляка проходило продольно углубление в виде желобка, а сам клинок имел закруглённый кончик. Поблескивая серебристостью шляк меча промеж того перьливалси усеми цветами радуги, на вроде тонких полос пробегающих по полотну свёрху униз. Могутная рукоять меча тёмно-коричного цвета маленечко сияла и ейна гладь была ушлошь... уся увита чуть выступающим впредь Мировым Древом: со стволом, ветвями и листоньками. Массивное перькрестие оченно широкое венчалось здоровенным грибовидным навершием, со тремя коловидными, разделёнными меж собой, шапками в среднее из коих, само высокое, бул вставлен алый яхонт.

Мировое Древо, тот великий и почитаемый усеми народами Бел Света образ, по преданиям выросло у заповедных местах на окраине Поселенной величаемом Лукоморье. Сказываетси у байках, шо по тому Древу моглоь попасть у иные Бел Светы, каковых много имеитси у Поселенной, раскиданных в разных местах. Вершина той величественной невидали упираетси у небеса, корни достигають Пекельного мира, и по стволу тому мощному спускаютси, подымаютси, словом ходють Боги. А беросы меже того сравнивають Мировое Древо с Родовым Древом, у оногo корни олицетворяють предков, ствол нонешне поколение людей, а крона с ветвями да листочками, то последующее колено беросов – ихних потомков.

Борилка возложил на охабень свой меч и залюбовалси евойным мощным и крепким клинком, чудным образом на рукояти. Засим неторопливо снял с правой длани мокру от поту тряпицу и перьдал её Сеславу.

– Добрый меч! – произнёс Былята, стоящий посторонь мальчика, а Гордыня негромко крикнув утак, верно, поддакнув, опутившись пред мечом на корточки, стал его укутывать у охабень.

К странникам неспешно подступили Кера и Рам, да встав супротив них, низенько поклонились мальцу, а опосля урвара, обращаясь к Бореньке, сказал:

– Княже Борил...

– Я не княж, како я княж, – возмущённым голосом возразил урваре отрок и обидчиво глянул у карие очи того.

– Даже ежели ты княже Борил, не желаешь стать нашим повелителем ф...р...р, – вступаючи у молвь, начал пояснять Рам. – Мы всё равно обязаны величать тебя согласно твоему сану, почёту и достоинству жалованному Богом Индрой. Мы обязаны уважать в тебе кровь Отца нашего Асура, правителя Поселенной Бога Дья.

– Ишь ты, уважать вони должны, – забалабонил Гордыня, подымаясь с присядок и сподняв с земли укутанный у охабень меч, прижал его ко себе. – А чаво ж вы тадыличи тутась мучали мальчоночку... то водно выпрашивая, то иное выживая.

Кера бросил в сторону воина до зела злобный взгляд, обаче ничавось не ответствовал, токмо добавил к своей вжесь утак неприятно прерванной реченьке:

– Просим тебя княже проследовать в наш великий и знаменитый град Таранец, чтоб весь народ полканов увидел достопочтенного потомка Бога Индры и поклонился тебе.

– А може не стоить, – качая главой, отметил Сом, и, обхватив мальчугана за плечи привлёк к себе, будто стараясь уберечь от у тех поклонов. – Може нам надоть нонече ж отправиться домой?

– Ни-а ноне вуйтить никак не можно, – торопливо изрёк Борилка и задрав голову посотрел у лицо воина. – Мне ж ащё надобно выручить... выручить, – мальчуган на маленько прервалси не решаясь гутарить при полканах имя Валу супротивника Индры, и смекнув чуток, пробачил, – вызволить нашего богатыря. – А засим перьведя взор на темника, спросил, – а гора, эвонто гора Неприюта ужесь далече отсюда ляжить?

– Гора Неприюта ф... р... р..? – недоумённо перьглянулись меж собой полканы, и урвара вдругорядь перьспросил величание хребта.

– А на, что тебе этот хребет княже? – молвил Рам и изогнул тонки уста сице, чё шибче прорезались на егось купавом лике морщинки. – Мы туды не хаживаем... там Вилы обитают и они незваных гостей вельми не любят.

– Я ведаю про то, шо там живут Вилы, – откликнулси мальчуган, и, опершись спиной о Сому, кивнул у подтверждении свово говорка. – Вони мене и нужны, так чаво далече до той горушки?

– Нет, нет, княже, не далеко она, – ответил Рам и перьступил с ноги на ногу, а под егось копытами сызнава захрустели разламываемые на части и обращённые у песок камушки. – От Таранца полдня пути не больше... Да она дюже высоченная посему ищё некоторое времечко придётся потратить, чтоб на неё взобраться ф... р... р... Одначе может ты, княже, прежде отдохнёшь у Таранце. Перекусишь, обмоешься и поспишь, – темник метнул сёрдитый взгляд у Гордыню, и пробалаякал ужо раздражённым голосом, – как положено принимать у нас, у полканов, дорогих нам гостей.

– Хмы! – вусмехнулси во тёмно-пошеничны, густы вусы Гордыня, и немедля скузал, – не дорогих гостей, а победителей... Борюша наю добыл меч, а значить стал победителем.

Урвара нежданно скривил лицо, изогнул дугой губы и возмущённо загутарил:

– Победителем княже станет тогды, когда убьёт то зло... Зло каковое идёт на бероские земли и славить его имя вы – беросы будете! Мы же полканы будем почитать его за смелость, достойную Асура, и за ту кровь, что течёт в жилах!

– Ладно... ладно... будя вам прерикаться, – вклинился у каляканья Сеслав и похлопав по плечу Гордыню смерил евошь разгорающуюся досаду. – Борюша ищѣ отрок и испытал у энту ноченьку тако, чѣ не усякому взрослому перьжить вудастьси Он вустал и хочить кочумать. Эвонто гляньте у него вже и глазѣнки смыкаются. – Сеслав по-доброму ослабилси и мотнул головой у сторону мальчика.

А Борилка ужесь и упрямя прикрыл веками очи, и, уткнув у грудь Сома голову, рѣшил меже тем покочемарить, обаче, вуслыхав последни слова воина про себе, без задержу пробудилси, и, захлопав ресницами, торопливо произнѣс:

– Неть, неть... я покуда ащѣ не дремлю. Но ты, дядька Сеслав прав, я ей-ей не вотказалси бы от сна, и мог прямо туто-ва улечьси, токмо б охабень подстелил.

– Нет! Не должно ф... р... р! – днесь гикнул Рам и закрутил головой, отчавось заколыхались на ней волосья, двинувшись широкой волной по спине. – Не должно, княжу спать на сырой земле... В Таранце княж тебя ждѣт тѣплое, мягкое ложе, сытная еда. Садись мне на спину, а спутники твои на иных полканов и неволге... неволге мы будем в Таранце.

– Рам, а може мене просто Борилом кликать? А не вѣнчим княжем? – поспрашал мальчишечка и широкось зевнув, ощутил тяжесть у очах и главе, да слабость усѣм свовом изнурѣнном за то времечко теле, и вотступил от Сома.

– Позволь нам полканам, – забалаякал Рам, и, протянул праву руку навстречу отроку, подзываючи к себе. – Величать тебя так как положено твоему сану.

Борила ничавось не сказал у ответ, токась муторно так вздохнул, и прежде чем полезать на спину полкана, принял из рук Краса, поданные ему, туло и котомку. Водно он водел на спину, другое закинул за право плечо, и ищѣ раз вздохнув, взволнованно молвил:

– А чаво ж так-таки с Гушей?

– Гуша это тот шишуга? – поинтересовалси Рам и махнул протянутой правой рукой у направлении обратному Таранцу.

– Да-к, шишуга, он, судя по сему, утерялси во ночи, – загутарил Былята и провѣл перстами по устам, расправляя там волосья, спустившиися тудыличи из густых, курчавых, ковыльных усов. – Може чаво с ним стряслось? – то старшина воинов протянул до зела раздумчиво, словно вопрошая лишь у себе.

– Что ж, – абие произнѣс Рам, и глас егойный звучал успокоительно, не токась для Быляты, но и для, вздрогнувшего от тех размышлений воина, Борилы. – Отправим на его поиски моих воинов... Они быстро сыщут вашего шишугу.

– И я с ними потрясусь, – вторил Раму Крас и посотрел ласковенько на мальчика, а опосля выпрашивая соизволенья выззарилси на Быляту. – Потрясусь с ними, абы Гуша не вспужалси?

– Добре, сынок, потряхай, – одобрительно высказалси старшина беросов.

Рам же меж того подзывал к себе взмахом руки того каурого полкана, схожего с ним обликом, и ищѣ водного, саврасаго, младого и мощного у плечах. Полканы торопливо подступили к Раму и преклонили пред ним голову.

– Возьмите бероского воина, – строгим гласом пробалаякал Рам, глядя с нежностью на каурого полкана, а посем перьведя очи зекнул на парня, по-видимому, выпрашивая егось величание.

– Крас, – торопливо балабонил вьюноша и гордо потряхнул своими непослушными ковыльными волосьями, повязанными прям як у полканов свѣрху снурком, токась простеньким таким кожаным, при энтом вихрастый, густой чуб парня, вылезши с под удѣржу, сызнава взлетевши увьсь, закудрилси.

– Да, кумар ахи, – продолжил каляканья Рам, а губы евойны почему-то изогнулись, васнь вон усмехнулси такому дивному имечку бероса. – С бероским воином Красом поезжайте у обратный путь, ихний путник шишуга, лесной человек, затерялси в наступившей ночи. Разы-

щите его и возвращётесь у Таранец. Прямо к Белым чертогам, где и будут гостить наш князь и его соратники.

– Слушаюсь, – послушно ответил Каси, а за ним и саврасый полкан.

И Каси, просиявши улыбкой Красу, позвал его за собой. Парень поправил на плечах котомку, огладил, словно проверяючи, ножны с зачурованным мечом да пошёл услед за полканами. И хотя Борилкины очи беспомощно смыкались, а ресницы шумно плюхались, вон усё ж проследил взором за Красом и увидав как тот взобрался на спину саврасому, кый тут же направился вдогон за Каси. Каковой, по-видимому, среди тех двух полканов был старшим, и ужотко трюхал по краю эвонтой приглубой пропасти.

– Княже Борил, – оченно мягко молвил Рам, обращаясь к мальчику, – оно и нам пора, а то ты не доедешь... так и уснёшь в пути.

– Агась! – откликнулся отрок, чуя как увесь притомился и чичас же поспешил к темнику.

Рам наново согнул передние ноги у коленях и преклонил лошадиный стан пред мальцом. Борилка ж обхватив его спину руками, оттолкнулся от оземи да перькинув ногу, резво взобрался на полкана.

– Меч повезёт княже, – осипше прохрустел урвара да перьступил с ноги на ногу. – Так положено, – и Кера протянувши руку, указал перстом на меч, который, вобнявши, аки великую ценность, прижимал к себе Гордыня.

Воин хотел було чавой-то бачить и, судя по смурному виду лица Гордыни, чавой-то до зела грубое, токмо опережая егось Былята встрял у тот говорок:

– Гордыня вотдай Борюше меч. Кера прав, меч должен весть мальчонка.

– Обаче, – жёлал вступитьси за соратника Сеслав, и, шагнув ближе к Быляте, тронул того за плечо.

Токмо старшина беросов отрицательно мотнул головой, и, вутак сёрдито зыркнул очами у лица соотчичей, шо Сеслав мигом скинул руку с плеча, а Гордыня хоть, и, не будучи довольным тем вуказаньем, усё ж спорить не стал, да шагнув в направление к Раму бережно пристроил на ноги мальчишечки меч, загутарив:

– Борюша, ты евось левой дланью прижми ко себе, – положив ладошку мальчугана на охабень да придавив тяжкий меч к ногам, и тады ж поправляючи лук на плече темника, абы вон не ударял по колену отрока, добавил, – а правой за пояс крепче держись. И потщись, сынок, не заковать...

– Не тревожься, Гордыня, – миролюбиво ответствовал Рам, да поправил на плече лук. – Я пойду шагом и буду с ним беседовать... Он не уснёт.

– И у то добре, – недовольно буркнул Гордыня, да оправив на мальце униз рубашонку, ласково оглаживая на ней холст, изрёк. – Ну-тка, Борюша, не печальси... я следом за тобой буду держаться.

Мальчуган понятливо кивнул головой, и торопливо заморгал, чуя как от пережитого ночью, наваливается на него дремота, ужесь було так непосильно держать будто отяжелевшу главу, всяк миг кланяющуюся на бок, в кою верно для сухранности чавой-то налили.

Гордыня ищё толком-то и не успел отойтить от мальчика, а хмыкнувший продолжительно да зычно Рам тронул свою поступь и высоко подняв голову, торжественно загадил:

– Полканы лгуппа халпура Дев Индры, джахан княже Борил! – посем темник малешенько помедлил и кадыкась узрел как склонили свои головы пред ним и отроком полканы, мимо оных он шествовал, гикнул, – ну-дарх!

Рам медленно шёл промеж сызнава выстроившихся и продолжающих ставать у рядье полканов когды егось догнал урвара. Вон торопливо поравнялся с темником, гневливо встряхнул своим посохом, и, бросив раздражённый взгляд на негось, словно желаячи им сжечь усего Рама, прямо от егойных тёмно-коричных, гладких волосьев вплоть до копытов, забалабонил:

– Рмага хопал, рмага джмера на-ружан техли... Рмага хопал ф... р... р.

Одначе Рам окинул вжесь вельми презрительным зырканием урвару, скривил свои тонки губы, живописав ими чудну таку загнутость и сухо ответил:

– Тх архн дун джмера ф... р... р.

Да горделиво вскинув голову, так чё колохнувшись, заструились евойны волосья по гладкости рубахи, пошёл шибче и миг спустя оторвавшись от Керы, негромко прокалякал Борилке:

– Княже, ты покуда ищё не спишь, я трону свою поступь бойчее, держись за пояс.

Мальчонка не успев даже чавой-нить молвить, токась крепче схватилси правой рукой за пояс, як полкан резко перышёл с шага на скок и нарысью пошёл уперёд, судя по сему, жаждая таким вобразом обойти урвару, каковой верезгливо кликнул в догонку лишь: «Турут!» и вотстал, верно, не умеючи бёжать утак скоренько.

А Рам уже не скакал, а чудилось мальцу, будто птица кака лётел ретиво и быстро. Полканы, образовавшие рядья стоящие досель со светочами, и коих мальчик в ночи зрел як горящи искорки, затушивши огонь, усё ж не двигались с мест. Склонив человечьи станы, они лишь мелькали пред очами Борилки своей разномастной кожей да шерстью лошадиных тел.

Покрыв большой промежек, Рам неожиданно перышёл на скок, опосля ж и совершенно остановил свой скорый ход, двинувшись медленным шагом. Егось могучее человежье тело покрылось малешенькой капелью пота, посему взмокла на спине рубаха, и со лба заструились тонки ручьи, оные тот принялся вутирать тыльной стороной пясти. На лошадином теле, иде и восседал мальчуган, враз шёрсть окуталась мжицей. Обаче темник немедля вздрогнул телом и усё те малы крохи живинько скатились по шерсти вниз, да нырнули на каменисту поверхность землицы.

Борила меже тем огляделси. Тяперича, внегда полкан шёл неспешно можно было усё узреть округ себе. И мальчик увидал, шо лежащий пред ним край, увесь да сплошь гористый. Взлюбья тута лицезрелись выше тех, каковые встречались вчерась, да покрыты вони были не токмо травами, но и не высоким чапыжником, инолды тянущимся густыми стенами. Идей-то справа мелькала, инде выглядывачи из-за тех курганов, реченька шуфра тянувшя свои воды. Прямо пред отроком вздыбивались вже совсем дюжие кряжи. Первый ряд, завороченный дугой, был увесь каменистым и представлял из себе крепостну стену града, идеже чётко наблюдались угловаты постройки да выдолбленны оконца. Стена у та была серо-белого цвета и к ней вела широкая ездовитая дорога, устланная гладкими, круглыми камнями со усяким разными вкраплениями и прожилками: чёрного, рдяного, червлёного цветов. Вона зачиналась, как раз подле окончания пропасти и вупиралась у мощны ворота, по ней днесь и шествовал темник. Там же позадь Таранца гряды гор сотрелись зелёными, по-видимому, поросшими густыми гаями.

Борила выглядывая с под плеча Рама, усё ж не мог паче толково обозреть саму стену Таранца, а потому обернувшись зекнул глазами назад, на ехавших, не дюже от негось далече, полканов, на которых сидывали беросы, и идущего упереды них Керу.

– Далекы они? – спросил Рам, словно почуяв як малец оглянулси.

– Ни-а, не шибко, – молвил мальчик и задумалси.

Вон хотя и был ащё юн, но усё ж ощутил неприязнь которая сквозила меж полканами, словно перькидываясь у теми словами, жаждали вони, Рама и Кера, обеспечить себе чёй-то луче того чаво нонече имели.

– А зачем тебе нужны Вилы ф... р... р..? – поинтересовалси Рам, прерывая тем спросом вельми неприятны мысли отрока.

– Оно мене, – начал было мальчуган, да абие смутившись смолк. Привыкший засегда бачить правду, уже тяперича не мог же вон сказать полканам, каковые дюже почитают Индру, чё вон хочють спасти его соперника Валу, оживив того добытой у Вил водой. Посему он како-то времечко молчал, а засим скумекавши казал утак, – я ж ужесь гутарил... Мене надоть посо-

бить одному богатырю, Асуру. Тому самому оный будяты битися на моём мече. Для вэного и надобно видать Вил.

– Мы никогда не ходим на гору Неприюта, – до зела внимательно выслушав мальчонку, сей миг откликнулси Рам. – Тот хребет дюже высокий и опасный. Там обитает много всяких зачурованных духов, таких помельче, послабее чем Вилы, но встреча с которыми может оказаться последней в жизни полкана. – Темник стих, посем споднявши руку и указуя ею уперёд да маленько повыше, продолжил балабонить, – вон вишь княже она? Прямо за вторым рядьем каменной стены, и чуток левее, на ней ащё вроде чапыжник тарашится на самой макушке... Тем она от иных круч отличается... ф... р... р... Это и есть гора Неприюта.

Мальчуган вытянул шею и склонил голову левее стана Рама, внимательно следуя взором за егось вытянутой рукой. Да впрямь углядел за вторым рядьем каменной стены, окружающей град по неровному выгнутому с двух сторон коло, паче схожему с яйцом, высокоу вершину горы на которой и верно тарашились кусты аль дерева.

– Эвонто на макушке растут стары дубы, – пояснил Борилка и вусевшись як прежде, поправил давивший своей могучностью на ноги меч.

– А ты... ты откедова знашь, что то дубы? – удивлённо спросил Рам, и даже оглянулси, впившись взором у мальчишечку.

– Озем то бачил, – ответил Борила, и кивнул у подтверждении сказанного.

– Озем надо ж, – протянул Рам и покачал головой, отчавось его волосья закачались точно травы у пожне. – Чудной ты всё же княже, ежели с тобой так, запросто, по-свойски Боги беседуют ф... р... р... Так вот, чаво я хотел молвить. Не знаю, ведаешь ли ты про это, иль нет, посему скажу... У нас, у полканов, говаривают, что стоит полкану взглянуть на Вилу, как он тут же в неё влюбится, и навек опостылет ему жизнь и Бел Свет. Но быть может, та зазнобушка тебя не тронет, ты вроде как юн ащё.

– От, об у том верно Асур Крышня также ведал, – широко просиявши закалякал мальчик и всмотрелси у солнечно лико Бога Ра, взирающего да любующегося из небесной лазури на землицу раскинутую под ним. – Потому может я бул и выбран... Я, а не мои братцы, аль сродники... кые аль большенькие, аль вовсе малые. Як бачил Крышня я не вьюноша, но уже и не дитя, отрок... Я же не вэнто не влюблюся ха... ха... ха..., – и звонко, задорно засмеялси.

– Одначе мы своим сынам не позволяем ходить к Вилам, – добавил Рам. – Мы не позволяем их беспокоить... и опасаемся их силы. Так нам было заповедано нашими предками ф... р... р..., – и темник стих, о чем то судя по сему задумавшись.

Малешав трюхали неторопливо, полкан чуть склонив голову на грудь и не глядя на ездую полосу чавой-то обдумывал, а Борюша перьстав хохотать продолжал вулыбаться яркому красну солнышку, и такому купавому Бел Свету. Немного погода малец, встряхнув головой, обратилси к темнику, вопрошая:

– Рам, а як вы прознали, шо мы у ваших землях?

– Дозорные наши вас углядели, – тихонько ответил темник, и поднявши голову осмотрел дорогу упреди.

– От у таво не могётъ быть, не могётъ, мы далече были, – ажно гикнул отрок, вутак удивилси вон и маненько даже подпрыгнул на крепкой спине полкана. – Нешто можно сиче видать?

– Нет, ты прав, так видеть далеко не возможно, – отметил полкан и днесь он довольно, но не злобно рассмеялси. – Обаче наши дозорные, это не полканы, это лебеди... Они долги века облетают наши земли округ и предупреждают о идущих к нам чужаках криком. В этот раз ей-же-ей, они так долго галдели, летаючи над нами, что мы решили, к нам идут какие-то важные, – темник на миг осёкси, а опосля добавил, по-видимому, поправившись, – какие-то почётные, знатные люди. Потому я и вышел навстречу... И видишь княже, они не ошиблись, к нам прибыл ты.

– Лебеди, эвонто у те каковые над нами пролётали, надоть же, – протянул Борилка и зане егось чуток трягнуло, вон подпрыгнул вверх, да чичас ж ищё крепче прижал к ногам меч, и пожав плечьми, вже так был ошарашен услышанным, произнёс. – А взаправду молвять Рам чё у те лебеди дочуры Поддонного правителя Яшура?

– Нет, то не правда, – поспешил пояснить темник, и покачал отрицательно головой, отчавось лук висящий на плече слегка подалси назад и приболно стукнул мальчика по колену своим мощным древком, однакось Рам у то, верно, почуяв, резво вернул егось у прежне состояние. – Может где-то дочери Ящера и оборачиваются в лебедей, то я не ведаю... Но наши лебеди это духи воздуха, и они с тех самых пор когды был построен Таранец, обитают в горах, и, летая в наших землях, предупреждают о неожиданных гостях.

«Духи воздуха, – протянул про себе мальчонка. – А Озем калякал чё так зовуть Вил,» – обаче гутарить о том вслух не стал.

Рам ж покамест продолжил балякать:

– Княж, град Таранец был построен самим Богом мудрости и волшебства Китоврасом. Когды Индра рассёк валун, у который обернулси Валу да на Бел Свете появились Квасура и Китоврас... То в благодарность Дев Индре, за свершённный даршан, Китоврас возвёл из здешних утесистых скал, оные лежали тут, град. В преданиях поётся, что высекал он Таранец прямо в скальной гряде, убирая всё лишнее, да чуждое. И вскоре вырос тут красавец, величественный град... град Таранец... Чё имечко значит – сотворённный от истока солнца обладающей силой крови. А тяперича княже полюбуйся на крепостную стену Таранца, – и темник без задержу восстановилси.

Глава девятая. Таранец

Рам вставши, верталси по ездовой полосе утак, абы Бориле було сподручней обозреть и впрямь, аки верно гутарил темник, дюже хупавую крепостну стену Таранца, отчавось усякий сон одолевавший мальчонку во время пути кудый-то запропастился, а смыкающиеся евойны глазёнки широко раскрывшись да вперились у град.

А крепостна стена Таранца воистину лицезрелась величественной, поражающей своим сказочным обликом до глубины душеньки. Со стороны любясь ею, казалось у то в серых скалах, стоящих первыми рядьями горной гряды, была вытесана вона, выступаючи уперёд округлой да единожды удлинённой по концам стенищей, напоминающей обликом яйцо. И чудилось у том сплошном массиве утесистых кряжей чьей-то божественной рукой высекалось усё без вунструментов, дивно изымались из скальной почвы усе избыточные каменя и созидалася ограда изумительной гладкости.

Могутная и высокая она, у та стенишка, кажись дотягивалась до небосводу и самого красна солнышка, завершаяся колодчатой деревянной надстройкой с копновидной крышей. Сама стена была из сплошного, ровенького бело-серого гольша, точно её ктой-то огладил або омыл, сварганив таку залащенность, убравши любы шероховатости, дыры, расселины да трещинки. Поместившаяся свёрху на ней настройка сотрелась плавого цвета и по ейному краю, уступом проходили высоки таки угловаты двойны зубцы вельми крепучие, местами поддерживающие крышу. Даже отседова мальчик видал, шо крепостна стенища махониста, у ней було не меньше двух али трёх маховых сажений, и унутри себе вона имела нещечко в виде ездовой полосы по оной ходюли, вохраняючи град полканы.

По закруглённым краям стёны, стояли две ражие постройки, какого-то четырёхугольного облика. У этних возведений были также крыши, похожие на луковки с устремлёнными выспрь тонкими острыми вершинами на каковых яро блистали златым светом закрученные управо шестиконечны лучи, небесные символы Бога Индры, величаемые громовиком, отличающиеся от знака Сварожичей, грозовика, у которых лучи загибалися у иную сторону. В у тех постройках зрелось уймища мелких оконцев, проходящих у самом вёрху возведения. Засим таковых окошкоч, тока не прикрытых слюдой, имелось в обилие и на самой стенище, и вони как раз располагалися под колодчатой надстройкой.

Во середине стены красовались ащё три дивны постройки в виде сложенных углами клинов. Эвонти сооружения свёрху сплошь усе были покрыты золотыми полосами, в ширшину не паче ладони, а у длину оченно долгими. Стыки меже тех полос, точно гребни для волос, выпирались увьсь короткими шипами, на концах оных перьливались белые, бело-голубые и бело-розовые самоцветны каменя, гладки таки и небольши по размаху, обаче, при том до зела лучисто блистающие у солнечном сиянии. Под у теми постройками, судя по сему, представляющими из себе крышу, находились мощны ворота, окованные железом почитай рдяного цвету, вьсьма махонисты и массивны. У те ворота, раскрытые настезь, были рдяными с обеих сторон, а возле них у рядье, сберегаючи вход в Таранец стояли полканы с дубинами и копьями у руках.

– Красиво! Верно, княже? – восторженно, словно видывал такой изумительный град попервой, спросил Рам, обращаясь к мальцу.

И Борилка пыхнув перьполневший дышалку, ставший густым от восторгу, воздух молвил:

– Агась, лепота!

– Видишь ворота, княже? Над ними высятся так величаемые полканами башты, – принялся пояснять Рам и расплылся у улыбке, по-видимому, довольствуясь проявленным отроком восхищением, и споднявши руку протянул её уперёд, указуя направленным на золоты постройки перстом. – Эти башты опоясаны золотыми пластинами. И то не токмо жёлтым золо-

том, но и белым... А на каждом стержне-гребне, что из белого золота самоцветны каменя. Горный хрусталь это те, что белые. Лазоревый яхонт те, что голубые, и тапас оные поблескивают розоватым сиянием. Ведь топас с полканского переводится как огонь. А те, дальни башты, – и темник показал на водно, посем на друго возведения с луковками заместо крыш, разместившиеся по краям стенищи. – Это дозорные башты, с них полканы наблюдают за своими землями, каковые лежат вокруг Таранца... Так, чтобы никто, никто ни проскочил не замеченным у наш великий град.

– А чё-сь вам страшиться? – сомкнув раззявленный от вудивления рот, поспрашал мальчуган, не сводя зачурованного взору с ограды Таранца. – Ведь посторонь вас, полканов, никаки иные народы не живут? Кто ж к вам ходють?

– Почему не живёт? – произнёс темник. И порывисто пожал плечми, сице чё дёрнулси на левом из них крепкий лук, жёлающий стукануть мальчонку по колену, да тока Рам ведая про у то, придержал его рукой, а после добавил, – живут княже... Около нас живут людские племена. Там в горах, что высятся за Таранцом, и ищё, дальше, где взлобки заканчиваются и лежат тёплые... жаркие и сухие земли, там тоже обитают люди. Там ведь сыздавна живут сынки СтриБога Летний и Югный ветра.

– О.., о, – озадаченно протянул мальчик и покачал головой, поелику егось долги волосья взвились вверх, а миг спустя у также плавно опустились на плечи. – От то я не ведал. Не ведал чё там живут люди и Асуры... Кумекал там край свету, и за теми грядами ничавось неть.

– Хе... хе... ф... р... р..., – вусмехнулси темник словам мальчика, но втак не злобливо, а мягко точно отец неразумной реченьки свово сынка. – Ну, какой такой край, княже? Разве может быть у Бел Света край? Бел Свет это вроде клубка, и висит вон в тёмной долгой Поселенной и много там таких же как наш мир всяких других земных юдолей. Посему не только там за горами живут люди и Асуры, но и в иных божьих мирах... Но ты, княже, погляди какая мощная у нас стена, какое сильное войско, – балякал ровным, тихим гласом Рам, и, обернувшись, обозрел ежалую дорогу, полканов, кые ищё покудова находились далече от них трюхая на себе беросов, и вышагивающего поперёд усех урвару. – Таранец такой величественный, роскошный град и всё это злато, драгоценности, богатство и власть принадлежат тяперича тебе... Ты, княже, будешь ноне повелевать градом и всеми полканами.

– Мне того ненадь, – негромко ответствовал мальчишечка и скривил свово лик, оно як та молвь была ему дюже противна.

– Ты, погоду, погоду княже, – поспешно загутарил Рам и днесь повернувши голову, вылупилси своими карими очами у мальчугана, да ласковенько ему осклабилси. – Я тебе всё, всё поведаю, а ты не перебивай, послухай. У нас в граде Таранце нет правителя. Нет, значит, старшого. Когда-то давным-давно были выбраны, из трёх родов первых сынов Китовраса, урварами Таранца полканы. И стали опосля того они повелевать, власть ту передавая своим сынам. Потому нонече у власти и находятся Кера, Лам и Бара. Кера из них самый больший годками, Лам вьюноша ащё, а Бара и вовсе мальчишка, ему пять лет всего то... И всю власть подгрёб под себя этот турут Кера. Ты ж сам видел, как он себя ведёт... хозяйничает во всём да приказывает от имени этих двух недорослей. Я сам, из старшего рода сына Китовраса Вада, повелеваю всем воинством. Но как, как повелеваю... тьфу ты, одним словом ф... р... р., – и лицо темника тако упавое исказилось злобой, дрогнули желваки на щеках, и почудилось Борюше пронзительно скрипнули крупны евойны зубы, будто жаждущие растереть меж собой у крошево евонтого урвара. – Ежели Кера добро не даст, воины мне не подчиняются. Уж ты поверь, княже, как нам эти урвары надоели, особлива этот Кера, невоготу его правление, невоготу. А тут ты, посланник Крышни и без сумления самого Дев Индры. Избавитель, вызволитель, спаситель... Оно ж всем вестимо, если кто из недр земли, из огненной реки, меч вырвет, то и будет нами княжить, главенствовать и тогда никаких более урвар. Останется лишь княже и он сам порешит как и, что делать в Таранце.

– Я, – начал було отрок.

Обаче темник не дал досказать желанное мальчиком, а перьбив егось, произнёс:

– Ты меня дослушай княже... Дослушай, – Рам наново обернулси, и, узрев приближающихся полканов, тронулси с места направив своу медленну поступь к воротам града. – Ты не торопись говаривать... нет... Ты не слухай урвара, каковой будет рад, шоб ты отказалси от княжения. Ты воно как сделай. Сначала приглядиись ко всему: к нашему граду, к полканам, а после выразишь свою волю. Я ж нарочно первым принёс зарок, чтоб быть к тебе ближе, а коли б то сделал урвара, неизвестно как и чего оно было. Что Кера в своей хайрепеж головёнке домыслит не ведомо никому. Он ведь в любой миг обберёт тебя да, как из рук потомка Бога, власть примет.

– Чавось примыть, каку таку власть? – перьспросил Борила, теряясь у тех неприятных для слуха словах.

– Ну, ты тяперича, по-любому, княже, так заповедовал нам Индра, – пояснил Рам, и, заведя за главу обе руки, поправил, як оказалось застёгнутый на серебристы схваченные меж собой загнуты крючки, снурок придерживающий волосья. – Одначе ежели не захочешь ты сам править, можешь перьдать ту власть и сан княжения любому иному полкану аль человеку, тому коего изберёшь, сочтя достойным.

– Кхе, – вусмехнулси Борилка, у душе радуясь тому чё евойный далёкий предок и Бог Индра усё ж воставил право выбора своему потомку. А посем спросил, – значить я прям днесь эвонто княжение могу перьдать, тебе або кому иному?

– Сразу видно княже, – неторопливо ответствовал Рам, вкладываяючи у свой голос несвойственну ему теплоту, будто гутарил о чём-то шибко дорогом. – Что течёт в тебе кровь Бога. До зела ты смышлён. Конечно, ты можешь передать княжение, прям ноне. А можешь после тогды, кады мы вернёмся с войны. Обаче ежели ты передашь власть потом, нынче, как завершение обряда, должен ты принять и водрузить на голову золотую цепь Любоначалия, и наречься нашим князем. – Борилка вуслыхав тот говорок и сувсем искривилси, васнь ему предложили пожущерить обильно перьжёванного Гушей жука, и хотел було чичас же казать неть. Но Рам можеть почуяв напряжение мальчика, добавил, – коли ты прилюдно, при всём полканском народе, откажешься принять цепь Любоначалия, то с тобой на войну уйдёт лишь та жалкая горстка полканов, принёсшая зарок... Иных полканов-воинов урвара не отпустит. А ежели ты примешь цепь мы с тобой соберём большую рать и будет в ней уйма луков, мечей, копий и киев. Много будет там крепких, могутных раторборцев... и тогды в путь! Ну-дарх!

Мальчик внимательно выслушал темника, да малешенько помолчав, мерекая у ту реченьку, муторно так вздохнувши, и лишь крепче прижав к ногам так тяжко доставшийся ему меч Индры, изрёк:

– А ежели я тебе Рама, тебе перьдам эвонту саму цепь... Любо... Любо...

– Любоначалия, – подсказал Рам.

– Да, у ту саму, ейну цепь... Ты... ты, – мальчонка на миг замешкалси, занеже на тех самых баштах самоцветны каменя весьма лучисто полыхнули, и по золотым полосам зараз униз пробёгли мерцающие искорки каких-то чудных цветов. – Ты, Рам, – продолжил каляканья Борила, – поведёшь со мной воинство або неть?

Рам немотствовал, вон медлил с ответом, по-видимому, обдумываяючи спрос отрока. Медленно вышагивая ко граду, по каменистой дорожке, евойны копыта звонко цокали о ту гладку поверхность, иноредь долетал с под них и тихий скрып, точно хруст полозьев о снежок. Темник нежданно тягостно выдохнул и молвил:

– Нет, княже, не стану я тебя обманывать... Коли ты власть мне передашь, я не смогу уйти из Таранца, не оставлю на урвару или кого другого моё богатство, власть и град. Я отдам тебе токмо тех полканов, кто дал зарок и не более того. Я бы смог солгать, но не могу... Так,

что прежде чем ты откажешься от цепи, подумай, ведь ты ее сможешь в любой миг... в любой миг передать.

– Ужо эвонто мене не по душе, – покачивая головой и не менее тягостно вздыхая, забалыкал отрок. – Не по душе мене ваша мудрёна власть. Да и цебь ваша мене ня к чему. Мене то нужон был токмо меч да вы аки воители и усё. Абы смогли мы водержать верх над у тем злом.

– Иногда княже, иногда надобно схитрить, – негромко скузал Рам.

– Чавось, – возмущённо кликнул мальчуган и ажно вострепенулси увесь от тако недовольству. – Вжесь мы беросы ня любим энту хитрость. И николиже ни хитрим... николиже... И отец мой меня засега вучил, шо хитрой должна быть лиса коя мышкует, а человеку должно быть правдивым да честным... Потомуй как кто честен, тот и честь своу и честь свою рода завсега сбережёт.

– Правильно говаривал твой отец. Правильно... тока, – Рам прервалси, оно як унезапно позади него послуhalось приближающееся цоканье копыт полканов. Темник резво обернулси, и чуть тише да торопливо дополнил, – да тока то у вас, у беросов принято честь и честность не разделять... у вас у Сварожичей... Но не у нас у Дыевичей, а потому, ты прежде чем отказаться от княжения, погутарь со своими путниками, поведай им то, что я тебе сказывал. Пушай они старшие, да более мудрые тебе посоветуй. А ты когда урвара начнёт призывать тебя принять цепь сошлись на то, что устал... голоден... и так у тебя будет время посоветоваться с твоими людьми... И потому, покуда, притворись спящим, приклони на спину мне голову, да ежели хочешь сосни.

Уж Бориле вельми не желалось притворяться да вубманывать, но вон понимал, чё Рам прав... ей-ей як прав... и не можно тута торопиться, принимая али отказываясь от у той цеби, должно посоветоваться со старчими беросами. И зане егось очи слипались от вусталости, вон горестно всхлипнул, будто на него, заставивив несть, водрузили чавой-то дюже тягостное, таковой здоровущий плятёный короб, нагруженный крупными валунами, отчавось сама собой согнулась спина и мальчик уткнувшись головой у темника, прошептал:

– Добре... так и сделаю.

Рам на то ничавось не вответил, чему мальчуган очень обрадовалси, оно як ему были тяжелы и неприятны енти балясы. И почему-то казалось ему, чё вон... вон... простой такой бероский отрок Борилка вжесь ради эвонтой рати изменяет своей душе, пути и Асуру Крышне такому купавому, светлому Богу с ясным лицом и тёплой, любящей улыбочкой. Чудилось мальцу он словно вымазал свои руки у какой-то вонючести, и нет водицы, струящейся прозрачными капельками Богини Даны, у оной моглоь отмьтиси и от той слякоти, и от тех мыслей.

Сзади их ноли, шо нагнали полканы и мальчишечка услыхав топот многих копыт о каменья, да понимаючи чё днесь он узрит тако противное лико урвара, и верно не желающего выпустить власть из своих рук, сомкнул очи, чуток ано вутонув лбом у мягких, густых волосьях темника, пахнувших почему-то скошенной сухой травой. И стоило токмо то ему содеять, как с ним с левогу боку поравнялси урвара, Боренька открыл глазёнки, и, скосив их у бок то разглядел. Кера, по-видимому, настигая темника до зела сильно вустал, занеже уся его белая шёрсть коня, гладкая така, была покрыта бусенкой пота, вон тяжело и гулко дышал, прижимаючи ко себе как нещечко великое свой волшебный посох.

С правого боку подошёл караковый полкан, у какового стан лошадиный был почитай, шо чёрным с желтизной под пахами, а человецье тело сотрелось тёмно-коричного цвета. На эвонтом полкане восседал Былята. И кады караковый приблизилси к темнику, старшина беросов протянул праву руку, и ласковенько огладив мальчоночку по волосьям суховатой дланью, негромко произнёс:

– Закочумал наш мальчик, вустал аки шибко... Борюша пробудись, пробудись нешто почивать можно верхом.

И хотясь Бориле не желалось сотреть на морщинистого и чем-то схожего с Лихорадкой урвара, да и очи от усталости тягостно слипались, он усё ж резво оторвал голову от спины Рама, и проморгавшись да покачавши головой, вперилси взором у Быляту.

– Устал Борюша? – поспрашал тот, узрев як томительно мотаеьт головой малец, изгоняючи сон, и широкось ему вулыбнулси.

– Агась, вельми вустал, – ответствовал отрок, всматриваясь у тако доброе лицо свово соплеменника, и склонив голову на бок ано сице залюбовалси родными чертами мужественного бероса.

– Да, да, – вступил у баляканья Рам, малеша то убыстря, то замедляючи свой шаг. – Княже дюже сильно утомился, ему надобно хорошо выспаться, поесть, а то так можно и занедужить так.

– Ему надобно прежде всего, – отметил своим осипшим и прерывистым гласом урвара. – Принять или отказаться от власти. Он ищё не принял решения... Решение, если ты помнишь, техли, принял ты, а не княже ф... р... р... Посему чичас мы приедим в град и...

Обаче у ту реченьку перьбил Былята, вон усмехнулси и сёрдито взглянув на Керу, громко изрёк:

– Эт, урвара... нешто пред тобой не дитя, а рослый муж. Принять не принять... Допрежь чем чавой-то рещать Боренька должон пожелвить, искупаться у баньке да покочемарить.

– Дотоль покучумать, – закивавши, бойко скузал Борилка и засмеялси.

И ноне ощутил унутри, у тама идеже билось сердце тако же светлое и чистое як, и душа каку-то лёгкость и теплоту, словно прижала его ко себе матушка Белуня, вукрыла, обвинив от усех напастей своими добренькими рученьками. И подумкал малец, чё вон бы век так глазел у лица беросов: матушки, братцев и сестричек... Век бы... Може вестимо и мнее, но стока, скока ему было отпущено годков самой Богиней Макошью – Небесной Матерью Судьбы, оная иде-то у далёкой неведомой Поселенной у самой Небесной Сварге во простой, как и у беросов, деревянной избёнке со своими подручницами Долей и Недолей сплела для негось волоконце судьбины.

– Да, берос Былята прав ф... р... р..., – поддержал воина Рам, прерываючи думки Борила. – Княжу надобно отдохнуть, он юн ащё. А завтра он и примет решение... мудрое решение как и положено княжу, и потомку Индры.

– Но, – возмущённо начал было урвара.

Обаче Борил, повертав главу в сторону Керу и зыркнув у егоино изрубленное морщинами ликом раздосадованно прогутарил:

– Ноне я рещать ни чё не буду. Жёлаю кочемарить.

– Воля твоя княже, – тутась же согласно ответил Кера и злобно полыхнул глазами в Раму, точно жаждая поджечь его той лучистостью.

Токмо Рама того взгляда не зрел. Можеть вон сделал такой вид, а можеть у тот взгляд пролётел мимо очей темника, ведь оба полкана и караковый, и урвара ступали маленько поодаль, верно не смея обогнать Рама, або шагнуть поперёд егось шагу. Вмале темник подошёл к распахнутым воротам, шо вели у чудесны пределы града, и мальчонка задрав голову, вызарилси на высоченные, покрытые золотом башты да глубоко задышал, потрясённый таким благолепием и мощью навислого сооружения.

Темник, урвара и караковый подступили к стоящим у рядье супротив них полканов, не замедляючи шагу да не востанавливаясь. И тадыкась Кера словно жаждая опередить Раму громко гикнул, своим осипшим перьходящим на врезг гласом:

– Лгуппа джахан халпур Дев Индры княже Борила!

А темник у тот же миг паче зычно, кликнул своим мужественным голосом... голосом ратиборца токмо вже по бероски:

– Приветствуйте достойного потомка Бога Индры княже Борила!

И абие полканы склонили свои человечесьи станы, да разомкнув рядье, разошлись у стороны, высвобождая проход к воротам. Рам же гордо споднявши голову, распрямив широки плечи, довольным взором оглядел своих воинов да торжественно потрюхал к нависающим над проёмом золотым баштам. А Борюша кивнув у знак приветствия склоненным и обмершим полканам, первьёл очи да осмотрел сам проход, идеже стены были такими же залащенными, без единой выемки, впаденки аль рубчика.

– Это Акшаях ворота, что значит на бероский Вечные ворота, – молвил поясняячи Рам, и пошёл чуток медленее, шоб Борилка мог усё хорошенько усмотреть.

Миновав сам проём ворот да проход с набровыми баштами, малец узрел на обратной стороне у тех возведений находящуюся опускную решётку, мастерённую из дерева, и оббитую для крепости железом. Проезжая под оной Борила поразилси ейной могутности, оно як в ширшину вона була почитай у поллоктя. И мальчик нежданно представил себе как вот така дюжесть ноне поедить удал да впадёт прям на них. От у тех пужающих кумеканий отрок ажно вздрогнул усем телом, Рам же ощутив тот испуг, судя по сему, перьдавшийся и ему, успокоительно забаялкал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.